

24

Шиф

приключения фантастика

В номере комикс

ПОЕДИНОК

ИЗМЕНЕНИЕ В ПРОГРАММЕ

Роберт Туи

Художник И.Кожевников

ТЕПЛОЙ и ясной июньской ночью Джек Дэнэн ехал по горной дороге севернее Оджайи. Он возвращался домой с конференции в Сан-Франциско. Часы показывали начало одиннадцатого, и чтобы повеселее было ехать, Дэнэн включил радио на полную мощность. Какой-то певец гнусавым голосом пел о герое, который испускал последний вздох от ран и с этим вздохом посылал "последнее прощание" поочередно трем лицам — лучшему другу, горячо любимой матери и своей "сияющей жемчужине" — девушке по имени Маракита. Причем ругады выводились настолько проникновенно, что Джек даже почувствовал бедолаге-герою. Нет, сам он, пожалуй, не способен на такие душечипательные глупости. Подпевая, Дэнэн с удовольствием думал о своей "сияющей жемчужине", своей Джоан. Последнее заседание отменили, и он возвращался домой на целые сутки раньше.

Машина плавно неслась по шоссе. Как бы там ни потешались коллеги, его старушка "гэлэкси" ничуть не уступала большинству новомодных моделей. Когда Джек Дэнэн только пришел в фирму, администрация настояла, чтобы он как новичок побыстрее обзавелся ультрасовременным автомобилем. Теперь же, когда Дэнэн прекрасно зарекомендовал себя и в приманках внешней атрибутики нужды не было, руководство компании снисходительно позволяло ездить на чем угодно, лишь бы это "что угодно" было чистым, и звук его мотора не тиранил слух. Поскольку администрации было все равно, Джека вполне устраивала старая модель. Их новую машину — "понтак" цвета морской волны — водила Джоан.

Итак, Дэнэн в прекрасном настроении ехал по прекрасной ровной дороге со скоростью 50 миль в час и предавался мечтам о встрече с женой. Его просто распирало от чувства гордости. Он гордился своей Джоан, своим автомобилем, вообще всеми автомобилями Форда, гордился Америкой, Калифорнией, родным городом, своей фирмой и был весьма доволен, что он — Джек Дэнэн, что ему 32 года, и что сейчас он едет домой в прекрасно сшитом костюме, бодрый и уверенный в себе на все сто.

Впереди на шоссе Джек увидел мужчину. Свет фар выхватил из темноты плотную фигуру незнакомца: серое пальто, забрызганное грязью; мертвенно бледное лицо, перекошенное странной гримасой; вскинутая вверх правая рука с оттопыренным большим пальцем — незнакомец набивался в пассажиры. Дэнэн не собирався останавливаться, но мужчина неожиданно бросился чуть ли не под колеса автомобиля. Все произошло в какое-то мгновение. Похолодев от ужаса, Джек ударил по тормозам. Чувствуя, что дрожит всем телом, Дэнэн лихорадочно огляделся. И впереди и сзади дорога была пуста. "Поме-рещилось, — успокаивал себя Джек, — все в порядке. Но если какой-то сумасшедший и впрямь хотел покончить с собой, то ему это, слава богу, не удалось..." И тут Дэнэн снова вздрогнул — скрипнула левая дверца машины. Он резко повернулся на звук и увидел забрызганное

грязью пальто и пистолет в руке незнакомца. Незванный гость медленно вползал на сидение рядом с Джеком. Глаза злобещего пассажира на широком бледном лице были мертвыми и пустыми. В его темных волосах над левым ухом по краям округлой рваной раны запеклась кровь. Дэнэн оцепенел.

Между тем незнакомец захлопнул дверцу и неуклюже переложил пистолет в левую руку. Затем странным высоким голосом распорядился:

— Поехали.

Минут десять и водитель, и пассажир молчали. Незвестный сидел, наклонив голову, рот его был открыт, в руке он по-прежнему сжимал оружие.

"... Моя любовь для тебя лишь игра..." — гнусил радиоприемник.

Джек осторожно потянулся и выключил его. Незнакомец не отреагировал. Дэнэн прислушался и, к своему удивлению, не услышал дыхания пассажира. В голове мелькнуло, что ему, Джеку Дэнэну, спортивному, крепко сложенному мужчине, ничего не стоит выбить пистолет из рук этого полумертвеца и затем по-своейски потолковать с ним, а не сидеть как на иголках и не прижиматься пугливо к рулю.

— У тебя есть виски? — вдруг произнес тонкий высокий голос.

Минутная решимость тотчас покинула Джека, он вновь судорожно вцепился в руль. Мертвые пустые глаза незнакомца смотрели, казалось, сквозь Дэнэна, рот оставался открытым и губы не двигались, когда он произносил слова.

— В отделении для перчаток, — пролепетал Дэнэн.

Искоса он наблюдал, как незнакомец, с трудом сгибая пальцы, пытается открыть отделение для перчаток. Наконец, ему это удалось, и он вынул оттуда бутылку виски. Справиться с отвинчивающейся крышкой было явно выше его сил, неизвестный даже не стал пробовать. Он протянул бутылку Дэнэну и так же, не шевеля губами, приказал:

— Открой.

Левой рукой удерживая руль, Джек поспешил повиноваться. Пассажир взял бутылку и прижал ее к груди. Он не пил из нее. Он просто наклонил голову к горлышку и сидел так несколько минут. Дэнэн подумал, что странный налетчик просто не в состоянии поднести бутылку к губам. Джек все это замечал, видел, чувствовал, но был словно связан по рукам и ногам — у него не хватало мужества отнять у незнакомца оружие.

Наконец неизвестный вернул бутылку Джеку. "Закрой". Дэнэн завинтил крышку и убрал бутылку обратно. И тут обнаружил, что движения его странного пассажира стали более уверенными, словно пары виски придали ему силы.

— Ты удивлен, не так ли? — на неподвижных губах незнакомца обозначилась легкая улыбка. — Я насчет раны, — он дотронулся до своих темных волос.

— Надеюсь, это не от вашего падения? — осторожно спросил Джек. Благодаря разумие посоветовало поддержать разговор.

— Нет, пулевое ранение, — улыбка на лице незнакомца превратилась в усмешку.

"Что за чушь, — тупо запротестовало сознание Джека. — Сначала пулевое ранение, затем попытка броситься под машину. Человек хочет умереть, с его раной это совсем нетрудно, а ему все почему-то не удается... А сейчас вообще второе дыхание открылось..."

Неожиданно Дэнену стало полегче. Он не ощущал и первого дыхания человека с пистолетом, и поэтому невольный каламбур подействовал на Джека успокаивающе.

— У вас серьезная рана, — стараясь изобразить участие, проговорил Дэнен. — Тут недалеко за поворотом должен быть знак — больница. Может, там найдется подходящий специалист?

Незнакомец тоненько хихикнул.

— Подходящий специалист уже сказал, что я мертв.

— Пуля еще не извлечена? — деликатно спросил Дэнен.

— Она уже навсегда останется там.

— Но это просто необходимо сделать! Вас усыпят, особое вещество, наркос, а когда вы проснетесь, станет гораздо лучше...

— Только не этому трупу, — буркнул незнакомец. — Который час?

— Без четверти одиннадцать.

— Далеко до Вентуры?

— 70—75 миль.

— Мы должны быть там ровно в половине первого.

— Давайте я лучше сверну, — попробовал уговорить пассажира Джек.

— Нет.

Они проехали поворот.

— Это ваше дело, конечно. Но в Вентуру вы всегда успеете, сказал Дэнен.

— Порой не все обстоит так, как кажется.

Джек промолчал.

— Боишься пистолета? — внезапно спросил незнакомец.

— Конечно, боюсь, — сознался Джек. В подобных случаях лучше отвечать честно.

— Забери его себе.

Обомлевший Дэнен взял пистолет за ствол с опаской и положил его в левый карман пальто.

— Я все же отвезу вас в больницу.

— Почему?

— Но вы тяжело ранены!

— Со мной все в порядке. Немного устал... но чувствую себя как обычно.

— С такой раной в голове?

— Это не моя голова. Это голова Джеймса Уитлока.

— Вы, должны быть, бредите! — от растерянности Джек сказал первое, что пришло на ум.

ПРИБЛИЖАЛСЯ очередной поворот. Дэнен начал слегка притормаживать. — Не трудись понапрасну. Ты не сможешь здесь свернуть, — со странной убежденностью заявил пассажир.

— Не смогу?

— В половине первого мы должны быть в Вентуре.

— Зачем?!

— Затем, что именно в это время Роберт Маккарти будет прогуливаться по пляжу, — ворчливо сказал незнакомец с простреленной головой Джеймса Уитлока.

— А кто такой Роберт Маккарти? — спросил Дэнен. Идиотизм происходящего был настолько очевиден, что волей-неволей заинтриговал Джека.

— Маленький пожилой человечек, который гуляет каждую ночь по пляжу. Ты не сможешь свернуть здесь. А мне значительно лучше.

— Ваш голос звучит увереннее, но выглядите вы по-прежнему плохо, — сказал Джек, вопрошающе глядя на незнакомца.

— Пустяки, — отмахнулся тот. — Забудь о моем теле. Это не я. Это тело никогда не было моим. Мы просто вместе путешествуем, я и Джеймс Уитлок.

Дэнен стал тормозить перед следующим поворотом. Пассажир положил свою неожиданно тяжелую руку на его плечо.

— Едем прямо. Мне нужно ехать прямо.

— Но почему, черт возьми! Объясните же наконец!

— Я должен быть в Вентуре.

— Это не причина!

— Ладно, — вздохнул без участия легких незнакомец. — Поехали прямо — и я расскажу тебе. Я расскажу все — и ты поймешь.

Дэнен решил согласиться. В конце концов, впереди есть еще повороты, пистолет теперь у него, говорит незнакомец более-менее связано и на "буйного" не похож. И еще — намерение пассажира ехать прямо было гораздо сильнее намерения Джека свернуть. Да и любопытно, черт возьми, послушать этого странного человека.

— Откуда ты? — неподвижными губами спросил незнакомец.

— Из Оджайи.

— Кажется, это рядом с Вентурой?

— Да. Милых в двенадцати. — Дэнен удивленно приподнял брови.

— Вы сами из Вентуры и не знаете этого? — Я не из Вентуры.

Джеймс Уитлок из Вентуры.

— Ах, да. Уитлок — это тело, вместе с которым вы путешествуете... Ну, а сами-то вы кто такой?

— Меня нет. Я был, но совсем недолго. Я был ребенком, жил в Сан-Франциско. Ты знаешь Пасифик-Хайтс?

— Кажется, это район во Фриско?

— Да, для очень состоятельных. Мы жили там в большом доме... Я был там вчера.

— А как вас зовут?

— У нас нет имен. Когда я был ребенком, меня звали Джордж Тэни.

Но это было очень давно. Джордж умер в возрасте 12 лет, в 1931 году. Они все теперь умерли, все из семейства Тэни, но их дом стоит на прежнем месте. Другие люди, другая мебель, другое все — остались одни воспоминания. Вчера я прошелся по комнатам в бывшем моем доме — и прошлое словно возвратилось... Да, это было моей ошибкой. Мне не стоило приходить туда, но мы же не роботы. Мы имеем право на воспоминания, ошибки... Нам дано самое прекрасное — полная свобода. Единственное, что от нас требуется — это делать хорошо свою работу. А если мы в чем-то ошибаемся, то должны исправлять свои ошибки. Вот поэтому я здесь. По плану я должен был заняться Уитлоком вчера вечером, в 5 часов, однако мне захотелось посетить мой старый дом. Я подумал, ну что может случиться с Уитлоком за какой-нибудь час?... Но когда я вернулся, он был уже мертв... Ты точно не знаешь с Уитлоком?

— Я?! С Уитлоком? Да бог с вами! — внезапно рассвирепел Дэнен. Он вернулся к реальности.

"Этот человек действительно спятил, — негодовал Джек. — Но, чтоб я сдох, каким образом он говорит? Или он из породы чревовещателей? Губы совсем не двигаются! И похоже, не дышит! А вдруг все-таки "буйный"? Взбесившийся йог. Нет, что бы он ни выдумывал, сверну на следующем повороте!"

Незнакомец повернул голову к Джеку.

— Ты в самом деле никогда не видел это лицо?

— Послушайте, вы сказали, что объясните мне, кто вы такой, как вас ранили и зачем вам надо в Вентуру.

— Не мне — Уитлоку, — уточнил пассажир. — И не ранен, а убит.

— Ну хорошо, Уитлок, — мучительно сказал Дэнен. — Так и быть, убит. Но объясните же мне, наконец, все толком! — Джек кивнул на дорожный указатель. — У вас осталось 12 миль, чтобы успеть убедить меня не сворачивать на следующем повороте.

— Ты не свернешь. Не сможешь. Я скажу, тебе будет тяжело, но ты должен уразуметь, что Уитлок, тело которого рядом с тобой, мертв... Ты веришь в судьбу?

— В судьбу? Что вы имеете в виду?

— Допустим, человек живет своей мирной, повседневной жизнью. Однажды он уходит с работы чуть позже обычного. Возможно, его задержал телефонный разговор. Он опаздывает на свой обычный поезд. Рядом — небольшая таверна, и он заходит туда выпить чего-нибудь и скоротать время до следующего, не своего поезда. А в таверне в это время находится другой человек, ну, положим, преступник, вор, убийца, и видит, как тот, первый, разминивает банкноту в 50 долларов. "Почему бы и нет?" — думает преступник-вор-убийца. Он выходит вслед за тем человеком и в укромном месте требует от него денег. Тот сопротивляется. Выстрел. Первый человек убит... Если бы он не задержался на работе, если бы не зашел в таверну, не вынул банкноту в 50 долларов, с ним бы ничего не случилось... Ты веришь в это?

— Ну конечно! Я думаю, многие умирают так неожиданно и случайно.

— Случайно? — Джордж Тэни и Джеймс Уитлок вылепил улыбку.

— Ах, мой друг, как мало ты знаешь! И неведомек тебе, как программируются мельчайшие детали человеческого существования, как планируется каждый твой шаг, каждое событие, которое должно произойти с тобой. Тот телефонный разговор должен был состояться, тот человек должен был опоздать на поезд, должен зайти в бар и вынуть именно ту банкноту в 50 долларов, чтобы спровоцировать свою же смерть. А ты знаешь, сколько разрабатывается подобный проект? День? Два? Нет — месяцы! Годы! А сколько обсуждается каждое возможное отклонение от Программы, каждое мгновение жизни! И это обсуждаем мы, Техники, имеющие отношение к Программе... Ты думаешь, один человек действительно захочет убить другого ради 50 долларов? А этот, другой, действительно хочет умереть за эту банкноту?!

Дэнен ехал молча, размышляя над словами странного пассажира. А затем произнес:

— Все же я хочу свернуть на следующем повороте и отвезти вас в ближайший полицейский участок... Ой, извините, — поспешно по-

равился Джек. — Извините, я сказал... Хотел сказать, в больницу, конечно же, в больницу.

— Нет, в могилу. Могила Уитлока будет в Вентуре.

— Мы едем не в Вентуру.

— Нет, именно туда. Так должно быть. Все уже предreshено и запрограммировано.

— Каким образом? Кем?!

— Теми, кто на ступень выше меня. Я просто Техник. Решают Стратеги. Они составляют Программу. Что должно произойти, как и в какое время. А потом мы только следим за исполнением Программы. Вариаций множество, следовательно, ошибки неминуемы, но полный провал Программы мы должны исключить, ибо последствия его могут быть такими... — назвавший себя Техником помрачнел, пытаясь представить, какими именно могут быть последствия. — Каждая небольшая программка включена в общие, те — в еще более общие, а они замыкаются на Глобальной Программе, и если я не доставлю Уитлока в Вентуру вовремя...

ПРОДОЛЖАТЬ он не осмелился.

— А когда умер Уитлок? — участливо спросил Дэнэн.

— Вчера днем, в четыре тридцать семь.

— Но он же стоял на дороге, по которой я ехал, останавливал мою машину, бросался под колеса, держал меня под прицелом... Разве он мог все это делать, будучи мертвым?!

— Ну, конечно, не мог, — торопливо разъяснял теперь уже неизвестно кто. — Это делал я.

— Вы?! Кто вы? Эрни Джордж? Техник? Или все-таки Джеймс Уитлок?

— Ну, я. Дай мне досказать. Я возвратился со своей ностальгической прогулки по старому дому на Пасифик-Хайтс и пошел в галерею музея, где оставил Уитлока. Видишь ли, он был художником и приехал в Сан-Франциско со своими иллюстрациями, которые делал по заказу журнала. Так вот, в музее Уитлока не оказалось. Я прошел по всем залам. Я знал, что он где-то рядом, я шел буквально по следу. И наткнулся. Он лежал недалеко от музея, в аллее, в луже крови, а вокруг стояли несколько человек. Еще до того, как приехал врач и констатировал смерть, я знал, что Уитлок мертв.

Джек запоздало спохватился, что проморгал очередной поворот.

— Конечно, во всем виноват только я, — рассуждал некто в сером. — Будь я с ним, я, без сомнения, предотвратил бы убийство. Почувствовал бы опасность и помешал ему идти по безлюдной аллее. Хотя, надо признать, не такой уж и безлюдной, раз там оказался этот спятивший наркоман Кэпсток.

— Кэпсток? Человек, который убил Уитлока? — спросил Дэнэн, бессознательно отметив, что снова вслушивается в бредятину незнакомца.

— Да, Кэпсток действовал инстинктивно, как зверь. Он подошел к Уитлоку, вынул пистолет и потребовал деньги. А когда художник отдал ему все, что было у него в карманах, этот тип ни с того ни с сего взял да и пристрелил его. И никто ничего не видел и не слышал. Сначала я не знал, что его убил именно Кэпсток. Да это было и не важно. Важно было как-то удалить тело Уитлока из Сан-Франциско. Я должен был оживить его, но не знал, как это сделать. Конечно, меня когда-то учили этому, но очень давно и для "галочки". И все же я проник в тело Уитлока, заставил его двигаться и встать на ноги. Это потребовало огромного напряжения и концентрации энергии. Я не обращал внимания на столпившихся зевак. Кажется, они закричали и бросились врассыпную. Я счел за благо тоже унести ноги. Затем я припрятал тело Уитлока в одном из музеев, в хранилище, среди груды экспонатов. Мне было плевать, ищут его или нет — у меня были другие заботы. Уитлок должен был умереть не вчера днем в Сан-Франциско, а завтра в Вентуре, в половине первого ночи. Программа требовала исправить ошибку. Я немедленно доложил о своем просчете Стратегам, и они, предварительно хорошенько прочистив мне мозги, дали соответствующие указания. Мне сразу сообщили, что убийца — Кэпсток. За ним не велось особого наблюдения, так как он был лишь мало-значительным элементом Программы. Но, вмешавшись, он способствовал и изменению своей судьбы. Мне дали адрес Кэпстока, и я пошел к нему. За деньги Уитлока он разжился своим эликсиром и к моему приходу накачался им до беспамятства. Разумеется, он и думать не думал о человеке, которого спраста лишил жизни. Но я проник в его мозг и заставил задуматься. Кэпсток ничуть не сожалел о содеянном, — он на это не способен, но начал беспокоиться о пистолете. Я вывел его на улицу, затем в парк, где под деревом, в земле, он спрятал оружие. Потом я оставил его, мне нужен был лишь пистолет.

— Зачем? — спросил Дэнэн.

— Ну... Ладно, после... В общем, я вернулся в тело Уитлока, и мы пошли с ним в тот самый парк. Мне стоило огромных усилий заставить работать безжизненные пальцы Уитлока, вырыть из земли пистолет и положить его в карман.

Существо, путешествующее в мертвом теле Джеймса Уитлока, замолчало. Джек ехал дальше. Вопреки своему желанию, он вдруг серьезно задумался над словами сидящего рядом с ним... кого бы то ни было. А может, и в самом деле существует мир духов, вот так же, рядом, и, может, они в самом деле занимаются чем-то вроде планирования человеческих судеб?

Ситуация была дурацкая — и мысли приходили соответственные. Чтобы окончательно не съехать, нужно было хоть на время сменить тему.

— Вот вы говорите Сан-Франциско, — слабо возразил Дэнэн. — Но это 250 миль отсюда. В таком виде...

— Да, это была проблема, — согласился собеседник. — Мы были в парке. У нас не было ни цента. А если бы и были — мы разве могли сесть в поезд или на самолет? Мы не могли даже угнать машину — не совладали бы с управлением мертвые пальцы Уитлока. Отчаявшись, я поставил тело на одном из перекрестков и попытался "посигналить", чтоб довезти "автостопом". Но Уитлок выглядит так омерзительно, так

отталкиваю! Нас никто не брал. Мы ежеминутно рисковали напороться на полицейских — они наверняка уже разыскивали тело Уитлока. Наконец на каком-то грязном грузовике, в окружении бочонков с протухшей рыбой, под покровом ночи, мы добрались до Сан-Луиса. Время не позволяло тянуть резину — и я пошел на крайние меры. Вложил в руку Уитлока пистолет, и мы забрались в автомобиль, стоящий возле заправки. Вскоре вернулась его хозяйка, молодящаяся старушка. К ее чести, измазанная помадой старушенция блестяще справилась с поставленной задачей — по моему приказу в два счета подкинула нас к тому месту, где мы и встретились с тобой. Я спрятал тело в траве, чтобы его невзначай не обнаружила полиция, — шустрая бабулька непременно сообщила о нас куда следует. После этого я связался со Стратегами и получил последние распоряжения. Я вернулся туда, где оставил тело Уитлока, снова проник в него и мы вышли на дорогу.

— Но почему, — недоумевал Джек, — почему вы не поехали до Вентуры на машине той женщины? Зачем все эти лишние сложности?

— На то были особые причины, — твердо сказал возможный дух.

Они поднялись на холм, и вдаль заплескались огни Вентуры. Дэнэн взглянул на часы. 11.55. Так или иначе, они будут на месте вовремя.

— Как, вы сказали, зовут того человека, с которым вы должны встретиться? Роберт Маккарти?

— Что-то в этом роде... — голос пассажира вновь звучал как-то странно.

— Я опять немного устал... Мне нужно чуть-чуть подышать.

Нетвердой рукой он открыл отделение для перчаток, достал бутылку, отвинтил крышку и снова "затянулся" из горлышка. Дэнэн молча вел машину, раз за разом прокручивая в памяти ошеломляющий рассказ и уже не решаясь дать ему какую-либо оценку.

Наконец Джек спросил:

— Ну, а зачем Маккарти убивать Уитлока, который и так уже мертв?

— У Маккарти своя функция, — безразлично прозвучало в ответ, и бутылка возвратилась в отделение для перчаток. — Сверни на следующем повороте.

Дэнэн свернул, и они оказались в Вентуре — небольшом поселке на взморье.

— Направо, налево, прямо, направо, прямо, еще налево, — командовал пассажир. — Все, приехали. Который час?

— 25 минут первого.

— Замечательно, видишь силуэт человека на пляже?

ДЭНЭН остановил машину у двухэтажного дома в конце улицы, рядом с другими автомобилями. Невдалеке, в свете ущербной луны, он разглядел маленькую фигурку неснешно прогуливающегося человека.

— Это Маккарти, — заявило чужим голосом чужое тело. — Итак, все сошлось. — Рука Уитлока приподнялась и открыла дверцу. — Помоги мне выйти. Уитлок довольно-таки тяжел.

Пришлось помочь. Уитлок с инородной консистенцией души встал рядом с Джеком и крепко взял его за руку.

— Отведи меня вон к тому небольшому домику в 200 ярдах отсюда. Это дом Уитлока. Да, сначала я думал, что сюда будет невозможно добраться. Ах, сколько было работы! И моя неосторожность едва не разрушила все в один миг!

Тело Уитлока тяжело навалилось на плечо Дэнэна, и Джек вдруг почувствовал удушливый трупный запах. И как он не учуял его в машине? Уитлок разлагался на глазах. У Дэнэна закружилась голова. Он попытался вырваться и бежать, но ходячий труп намертво вцепился в него неожиданно окрепшими пальцами.

— Еще не время, еще не время. Подойди вместе со мной к воротам. Нет, постой, мы, кажется, кое-что пропустили. Обернись и посмотри. Да-да, на стоянку, где автомобили.

Джек повернулся, и его бросило в жар. Он узнал голубой "понтрак" Джоан. В лунном, кварками исходящем, прерывистом свете машина переливалась всеми оттенками морской волны.

— Да, Дэнэн, — словно из другого мира донесся тонкий и высокий голос. — Твоя жена, твоя "сияющая жемчужина". Она здесь, в доме Уитлока. И ждет его почти сутки. Он предполагал вернуться к прош-

лой ночи, пока ты заседал на своей конференции. Но ваша встреча была предрешена. Не думаешь ли ты, что все это вышло случайно? Нет, все по Программе. Твоя жена часто навещала сюда во время твоих отлучек. Они с Уитлоком должны были встретиться здесь вчера. А ты утверждаешь, что совсем не знаешь его...

Дэнэн стоял, окаменев, перед домом, с ужасом слушая, как вещает живой голос из мертвого тела.

— Стратеги запрограммировали, что ты должен был вернуться домой к вечеру. Я говорю о том, что до л ж н о было произойти до моих импровизированных действий. То, что вы должны были встретиться, было частью первоначальной Программы. Итак, ты возвратился бы в Оджайю два часа назад и не застал жену дома. Ты бы взволновался, чего-нибудь выпил и стал обзванивать знакомых. Один из них, тоже чего-нибудь принявший, или хуже — похмельный и думающий с сегодняшнего утра начать новую жизнь, еще хуже — рогач — от всего сердца раскрыл бы тебе глаза на твою безгрешную жизнь и между делом проинформировал об Уитлоке. Вне себя от гнева ты бы примчался сюда, в Вентуру, выломал дверь и застал их в постели. Согласно Программе, ты бежишь на кухню, хватаешь нож и кидаешься на Уитлока...

Тем временем ноша заставила втащить ее в ворота и поднять по ступенькам крыльцо к входной двери.

— Да, да, именно так все до л ж н о было произойти, но моя оплошность едва не закончилась трагически. Но так или иначе все будет по плану. Уитлок и Джоан мертвы, а ты...

— Джоан?! Только не это! Почему?! — закричал Джек.

— Идем. Ты всего лишь маленький человек, Джек. И Джоан — тоже игрушка в руках судьбы. Слишком много важных событий зависит от того, что должно случиться со всеми вами. Поторопись, Дэнэн, Маккарти уже близко! Ты слышишь, я говорю очень громко, однако слов моих Маккарти не разберет, но сможет различить громкие, злые голоса... Он неслышно подойдет к дому...

Неожиданно рука Уитлока вытащила из кармана Дэнэна пистолет и с силой вложила его в руку Джека. За стеклянной дверью Дэнэн увидел силуэт Джоан.

— Нет! — закричал он, пытаясь освободиться от пистолета. Но пальцы Уитлока намертво сомкнулись вокруг кисти Дэнэна. Этот мертвец или черт знает кто со страшной силой сжимал руку человека.

— Но почему?! Почему Джоан?! — вырывался Дэнэн.

— Потому что это предопределено, — неумолимо ответствовали ему.

Дверь открылась, на пороге стояла Джоан с перепуганным бледным лицом.

Пальцы Уитлока сильнее стиснули руку Дэнэна с пистолетом. Джек не мог больше сопротивляться. Спусковой крючок поддался. Грянул выстрел. С легким стоном Джоан упала на ступеньки лестницы, прижимая руки к груди, из которой хлестала кровь. Вхолостую прогремел еще один выстрел...

— А вот теперь, — торжественно произнесли под ухом, — все так, как должно быть. Программа восстановлена.

Стальная хватка ослабла; еле двигаясь, бесчувственные пальцы отпустили Джека. Тело Джеймса Уитлока, мертвое уже много часов, упало, словно мешок, к ногам Джека. Программа была восстановлена.

Дэнэн стоял между телами жены и ее любовника.

— Боже мой! — произнес кто-то.

Джек повернулся и увидел маленького пожилого человека, с ужасом смотрящего на него.

— Подождите, — захлебываясь, закричал Дэнэн. — Послушайте, все не так, как вы думаете... Все, что вы видите — это не... О, послушайте, поверьте мне!

— Боже мой, — на выдохе повторил прохожий. — Ведь вы убили их! Два выстрела — и оба мертвы!

— Нет, нет! Я ни в чем не виноват! Послушайте, ведь вас зовут Маккарти, да?! Это очень важно. Мы все под контролем, вы понимаете, мы все запрограммированы. Ничто не происходит случайно, все по Программе... Все! Вы — Маккарти. Он сказал мне, как вас зовут. Откуда бы иначе мне знать ваше имя, мы же никогда не встречались раньше!..

— Боже правый! Маккарти! Какой Маккарти? Меня зовут не Маккарти! О чем вы говорите? Вы сумасшедший! О, боже, помогите, полиция, здесь убийство! — человек сорвался с места и с криком побежал вдоль улицы.

Дэнен остался стоять. Из него точно вынули все жилы. И вновь знакомый голос произнес:

— С моей стороны было бы неосторожно рассказывать тебе всю правду. Да, его зовут не Маккарти... Я бы назвал тебе его настоящее имя — да только зачем? Не это должно сейчас интересоваться тебя, а то, что ты скажешь полиции. Вряд ли стоит рассказывать о Стратегах и Техниках, о духе в мертвом теле, о молодящейся бабушке, о музее, о Кэпстоке, о Джордже Тэни... Право, ты не обрадуешь полицию; не думаю, что она возьмется проверять твои рассказы. А что касается отпечатков пальцев Уитлока на бутылке виски и пистолете — то помни, пальцы трупа следов не оставляют.

— Так вы мне лгали все время? — в пустоту спросил Дэнен.

— Ну что ты, не всегда. Была и правда. Кстати, правда и то, что ты проведешь остаток жизни в тюрьме.

— Но почему я! Ради бога, почему именно я?! — вскрикнул Дэнен.

— Это твоя судьба. — невозмутимо ответил голос.

— Но я не убийца!

— А может, и убийца. Может, ты все выдумал! Может, в твоей машине и не было тела Уитлока. Вдруг это плод твоего воображения? И я сам, и мой голос не существуют? Ладно, Джек, хватит, поговорили. Всего наилучшего...

Когда подъехала полицейская машина, Дэнен стоял неподвижно на прежнем месте. Ему задавали вопросы — он не отвечал. Его усадили в машину. Дэнену казалось, что все это сон...

Одному из экспертов показалось, что Уитлок убит гораздо раньше предполагаемого времени преступления, но улики были настолько очевидны, что остальные эксперты не согласились с ним. Человек по имени Портер, любитель ночных прогулок по пляжу, присягнул, что видел, как были убиты Джоан и Уитлок, и никто не усомнился в справедливости его показаний. Дэнена судили и приговорили к пожизненному заключению. Он безропотно принял ношу и влачил в тюрьме свое жалкое существование, ни с кем не заговаривая и не общаясь.

Лишь иногда, еле слышно, он напевал все одну и ту же песенку, что-то о молодом герое, умирающем за девушку по имени Маракита, свою "сияющую жемчужину"...

Пер. Е.Соловых

Андрей Бельтюков

УРОДЫ

Художник Т.Злоказова

ВЕСНА. Пицунда. Дом отдыха издательства "Правда".

Благостная, тихая погода стояла уже вторую неделю. Присмирившее море вяло толкалось в белую чешую раскаленной гальки. Я часто прогуливался вечерами в предзакатные часы, когда спадала жара; в наступающих сумерках женские лица казались исполненными особой прелестью.

Приглянувшаяся мне дорожка пролегла мимо розария, с другой стороны, за плотной стеной тростника, простирался пляж. По утрам, отправляясь к морю, я уходил налево от волнолома. Здесь было пустынно, над прибрежной полосой возвышался невысокий обрыв.

Однажды утром я устроился на привычном месте; было не жарко, прохладная после ночи галька еще не успела прогреться. Дремотная истома понемногу овладела мной, но тут послышался звук приближавшихся шагов, и возле меня расположились двое.

Я с раздражением покосился в их сторону. Но уйти сразу казалось все же неудобным. Я перевернулся на живот, полежал и полез в воду. Возвращаясь, разглядел их.

Первому было лет тридцать пять; худощавый, слегка сутулый. Жидкие клочковатые волосы торчали из-под белой шапочки с красным громадным козырьком. Он сидел, поджав длинные голенастые ноги и задумчиво покусывая мизинец.

Второй выглядел постарше. Был он низкорослый, налитой. Плоский затылок и шею густо покрывала растительность. Он походил на человека, уверенного в себе, решительного, но недалекого; однако, когда я подошел ближе, он скользнул по мне взглядом внимательным и умным.

Проплывали томные пляжные часы. Оба незнакомца были совсем близко, но до меня не долетало ни слова. Они сидели молча, и понемногу я забыл о них.

В последующие дни я встречал их неоднократно. Повсюду они неизменно появлялись вместе. Это могло бы натолкнуть на определенные мысли, но вскоре я заметил их неприязненные, почти враждебные отношения. Их общение сводилось к тому, что они обменивались лишь самыми необходимыми фразами.

Вскоре мое любопытство еще более усилилось.

Как-то в послеобеденный зной я заметил эту пару на скамейке под навесом возле теннисного корта. "Голенастый" дремал, откинувшись на спинку, второй, облившись потом, читал.

Внезапно он, словно что-то вспомнив, отложил книгу и поднялся. Шаркая по асфальту своими сабо, он направился к жилому корпусу, при этом дважды оглянувшись на оставленного спутника.

Тот уже не спал; из-под своего козырька он напряженно оглядывался по сторонам.

Я присел на соседнюю скамейку, слегка смущенный своей ролью беспардонного соглядатая, но крайне заинтригованный.

"Голенастый" явно нервничал все время, пока находился в одиночестве. Под конец он едва справлялся с нарастающим беспокойством. На лице его постепенно отразилось настоящее страдание. Так продолжалось, пока вдали не замаячила фигура его приятеля. Тогда "голенастый" мигом прикрыл глаза и притворился спящим, хотя я не сомневался, что он наблюдает сквозь приспущенные веки...

Через некоторое время я уже привычно выделял взглядом эту пару из толпы, их поведение не менялось, хотя причина столь необычных отношений оставалась для меня загадкой.

Прошло дней десять. Отпуск мой истек, и, словно в утешение, стала портиться погода.

Как-то после обеда — кажется, это была суббота... впрочем, неважно, — я лежал в своем номере, на кушетке, с книгой в руках. В дверь постучали. Я никогда не запирался днем; дверь приоткрылась.

— Добрый вечер, — гость произнес это с порога и остановился, ожидая приглашения.

Бог знает, откуда на отдыхе люди столь хорошо осведомлены друг о друге. Более или менее полезную профессию скрыть положительно невозможно, однако меньше всего я был склонен заниматься здесь

практикой. Убежден, что я вежливо проводил бы за дверь любого... но не его.

Он явился один, без своего голенастого товарища. Усевшись возле окна и устроив на коленях небольшой газетный сверток, сказал:

— Вы, я знаю, доктор. Ну так мы коллеги. Послушайте, вы могли бы мне помочь?

Сохраняя, по возможности, бесстрастное выражение, я поднялся, пожал плечами, решительно не зная, что ему ответить.

— Что с вами?

— Бессонница, обычное дело... нервы... напряжение, внутреннее, постоянное, никак от него не избавиться...

Он замолчал, повернувшись к окну, за которым виднелось усыпанное золотыми искрами заката море.

— Кажется, здесь неплохой врач, — начал я. — Я не отказываю, но... самостоятельно работаю только год, и моя квалификация...

— Ваша квалификация! — перебил он, скривив губы в жесткой усмешке. — Не скромничайте, полно. Местный лекарь даст мне люминал. Мне требуется другое.

— Что вам требуется?

Тут мне показалось, что я угадал его желание.

— Говорю, я хочу избавиться от тревоги... отдохнуть по-человечески.

— Лучше всего устранить причину беспокойства. Вы ее знаете?

Я притворился непонимающим. Сколько уж таких обращалось ко мне в Москве!

— Да, — неожиданно ответил он. — Да, знаю. Но устранить ее невозможно. Потому я и пришел. Вы, конечно, не Мессинг, — он опять усмехнулся, — но как психотерапевт должны владеть элементарным гипнозом. Вот я и прошу внушением снять эту тяжесть...

В принципе это было возможно. Но как я ошибся!

Я колебался единственно потому, что здесь требовалась серьезная работа и соответствующий настрой. Откровенно говоря, я не был к тому расположен.

Беспокойство внезапно отразилось на его лице. Он глянул на часы, и глаза его на мгновение обрели тоскливое выражение.

Во мне пробуждался профессиональный интерес, подогреваемый суетным любопытством. Я согласился.

— Ну и славно, — сказал он.

Звали его Эхов. Доктор Эхов — так он представился.

— Ну, что ж, раз нельзя устранить причину вашего состояния, я, по крайней мере, должен представлять, в чем она состоит. Поподробнее. Он опять отвернулся к окну.

— Нет, не получится, — выдавил наконец из себя. — Вы извините...

И развернул газету. На свет явилась поллитровка.

— Придется... иначе я не смогу, даже просто рассказать...

Он налил полстакана. Мне догадался не предложить.

Выпил, налил еще, глянул на свет и сглотнул единым махом. Хмелея, откинулся на спинку кресла; злая усмешка вновь расклевала его лицо. На миг он прикрыл глаза и потом глянул уже по-другому, уверенно.

— Ну, слушай...

... ПОСЛЕ землетрясения в тех проклятых горах треть горной страны лежала в руинах. Но даже когда улеглась подземная буря, несчастье не ушло.

В беде на это не обратили внимания. Еще и высмеяли в газетах. Когда случаев стало двадцать, сто двадцать, двести — ужаснулись. А некоторые подумали, что землетрясение было меньшим злом...

Объявлять открыто казалось немислимым. Развернули войска и оцепили границы. Огромная растерзанная территория как бы перестала существовать для остального мира.

Все снабжение земли бедствия — по воздуху. Пилоты в гермошлемах. Дезинфекция. Отчужденные лица обслуги. Груз сброшен — и сразу на взлет. Скорее, скорее покинуть черную землю...

Да, конечно, там оставались. Работать.

Комендантский час. Спецвойска, только из добровольцев. Пустынные улицы, ветер гонит вдоль домов пожелтевшие обрывки газет, на

них видны фотографии людей, которые еще ничего не знают... На уцелевших перекрестках разбитых городов боевые машины пехоты. Контакты с населением минимальны; ночные выстрелы, лай овчарок...

Бригада врачей состояла из трех человек. Практически эти трое гинекологов, трое мужчин, представляли здесь едва ли не верховную власть; вероятно, впервые в истории.

Офицеры были почтительны, но, казалось, избегали их. Возможно, они имели на то указание, или же была еще какая причина? Снабжение и охрана врачей были налажены хорошо. Бесспорно, что их побаивались. Разведчики (которых регулярно ловили и убивали жители) присылали доклады, в каком поселке или ауле вскорости о ж и д а е т с я . И еще — у них в доме стоял шоколадного цвета, похожий на перепачку, телефон, по которому в любой час можно было связаться со столицей.

— Сами мы не звонили. Но уж там нас не забывали...

Эхов сидел, глубоко вжавшись в кресло, не выпуская пустой стакан из пальцев. За окном на море стремительно падал вечер, снизу доносились голоса людей, негромкая музыка...

— На операции ездил по двое. Третий отдыхал. Это был фронт, понимаешь? Настоящий фронт.

...Они отправлялись на бронетранспортере, что постоянно ждал под окнами. Неслись всю дорогу, содрогаясь под тяжестью бронезилов. На головах — шлемы. Коробки изолирующих противогазов висели в сумках на поясе. В блестящих пеналах — инструменты. Люди молчат, и вой перепетых моторов заполняет десантное отделение машины.

Командантский патруль обычно встречал их на въезде. Сквозь молчаливо-угрюмую толпу они проходили к т о м у дому.

Двери. Пустые комнаты, домочадцев мало, мужчин подавно не встретить; кто и остался помочь несчастной — женщины.

Крестясь, они снуют возле, с надеждой и страхом глядя на грузных пришельцев.

Те — словно крестоносцы. Замкнутые лица, в глазах истовая решимость. Кажется, в их руках сейчас мелькнет огненный меч...

Роженица лежит, ноги напряжены, челюсть скосила судорога. Глаза... не глаза — пустыня. Люди стараются держаться подальше. Даже самые близкие.

И вот начинается. Ремнями ее привязывают к столу. От нее отгораживаются бронешитами. Руки врачей в металлизированных перчатках кажутся манипуляторами машины; они неподвижны.

Вязко тянется время. Не разобрать лиц врачей за жаростойкими прозрачными экранами.

Внезапно женщина начинает биться, гортанно выкрикивая незнакомые слова.

Руки их не шевелятся. Тяжелые, бронзовые, словно у статуй, пальцы сжимают инструменты, совсем непохожие на акушерские.

Вот иззубренные сверкающие крючья, вот огромный, отточенный до влажной синевы скальпель, кривая пила, которой можно развалить хребет и быку... Шприцы с непомерно толстыми иглами.

Полезет время, ходики на стене, наверное, сбились со счета и меряют не часы, а года.

Она все не может родить.

Горячая лампочка на витом шнуре, висящая под низким потолком, освещает залитый кровью стол. Та, что на нем, уже не слышит и не видит; нет ничего человеческого в животном, со стонами рвущемся из намертво прикрученных ремней.

Она одна со своим страхом и болью. Одна...

Врачи не прикасаются к ней. Они ждут. Лишь дрогнет сталь в бешено стиснутых пальцах.

Но вот уж близок конец... И когда в горячих потоках крови и слизи новая жизнь вырывается на свет, вот тогда и начинается их работа.

— Самое главное — не дать уроду опомниться, — сказал Эхов. — Трудность в том, что среди них редко встречались похожие. Не угадаешь. Случалось, урод пускался наутек, словно бесенок. Разные они были... Порой отороп брала. Особенно поначалу, после свыклись как-то. Но сперва... да. Вот представь — лежит этакий розовый круглый блин. А по краям из складок кожи выползают десять, двенадцать головок, похожих на детские, только без ртов. Моргают. В центре блина словно щетина, шевелится, ходит волнами... Урод переворачивается на нее, и ходу.

Он неожиданно хихикнул.

— Или просто невесть что вывалится. Словно яйцо костяное, все в морщинах. Торчат какие-то крючки. Я поднес руку — резекционный нож перебило пополам. Вот так.

Но ни один урод у нас не сбегал. Мы их сперва... кончали, затем измеряли, фотографировали. Это потом уж видеокамеру прислали, а сперва просто "Киевом". Моим собственным.

Эхов опять засмеялся, фальшиво и неприятно.

— Мы сперва науку делали. На железнодорожной станции загнали в тупик рефрижератор, в нем и хранили первые ... экземпляры. Возле — часовой. Один любопытный попался, дурак. Сунулся поглядеть. А

какой-то из э т и х ожил... видать... Солдата после нашли в вагоне... без кожи. Что? Да вот так, впрямую, без кожи, и все тут. Хоть студентов води. А оболочка, так сказать, в стороне разложена... Трудно представить, как его... гм, освеживали. Наша вина. Потом мы напоследок стали им кислоту впрыскивать. Ну, конечно, коллекцию пришлось ликвидировать.

Он задумался, закурил. Затянулся дважды и торопливо смял сигарету. Глаза его безостановочно двигались: дверь, окно, стена, снова окно. Казалось, он сделался крайне возбужден и только огромным усилием подавлял в себе... Что?

— Откуда они брались, мы выяснить не смогли. Мужчины, по крайней мере, здесь ни при чем. Будто ветром надуло... Вот аул, дома рядом: в одном накануне рождается ребенок, на следующий день в соседнем — урод. С землетрясением, может, и связано, но как? А горцы говорили, будто в первый день из разломов вытекает дым, тяжелый, вязкий. От него у людей кожа зудела. Может, и врут.

Знаешь, женщины те... это, конечно, ужасно... Им было хуже всех. Невозможно передать... крики, мольбы. Сознание, что в чреве чудовище, многих ставило на грань... Они не виноваты, бесспорно. Но... но мы их обвиняли! Можешь ли ты это понять, женщины в наших глазах были союз... нет, как бы в сговоре, что ли. Хотя и это не точно... Словом, мы постоянно рисковали, и наш страх заглушал сострадание, и нам хотелось найти виновного... Да, жалости не было. Была работа. Тебе бы понравилось? Ну, конечно! Однако ж теперь достаточно, чтоб ты помог мне заснуть?

Сказанного было достаточно. Я видел, что возбуждение его возрастает.

Разумеется, я знал о землетрясении, из газет. Но там ни слова не говорилось об у р о д а х .

— Что же, вы их просто резали и убивали? Не пытались как то... понять?

Он покачал головой. Нет.

— В таком случае, зачем туда отправили гинекологов? Патологоанатом был бы наверняка уместнее.

С неподдельным удивлением он посмотрел на меня.

— Не понимаешь? Так ведь рождались и... обычные дети.

— Но не проше ли тогда было произвести массовые аборты хотя бы и принудительно? Какое-то время.

— Гм, нет. Мы тоже так сперва думали. Ничего бы не вышло. В первых, все сроки полетели к чертям. Рожали, когда и ждать никто не мог. А во-вторых, надобно знать этих людей. Чтоб все организовать как следует, пришлось бы женщин подходящего возраста осматривать практически поголовно. Да нам бы головы поотрывали!

Звякнуло стекло — он наполнил свой стакан. Выпил. Подмигнул неожиданно.

— Осуждаешь? Ну-ну, кха-а, кх-ха...

Он судорожно закашлялся, потом выпрямился и поглядел со внешней злобой.

— Ты бы там загнулся от страха! От ненависти! Горцы, ох, горцы нас ненавидели! Но это не самое... К середине ноября вызовы посыпались один за другим, и мы сбились с ног. О, сколько я насмотрелся!

Беременных обходили за квартал, вот что меня поразило! Родные обтирали бумагой перила, которых могли касаться их руки. Но ижд что значит мать для горца — представляешь? У них мир перевернулся. Они не знали, зачем жить. Святое, сами основы рушились... Страна скорби... МЫ тоже ею заразились.

... **РАССУДОК** не в силах был постигнуть то, с чем уверенно и каждодневно справлялись их руки, однако в его устах теперь нуджались все меньше, и рассудок стал постепенно отступать, съедаемый скользким туманом, поднявшимся из древних и диких глубин.

Чем жили трое мужчин эти долгие месяцы?

О чем думали, за полночь укрываясь в ежедневно сменяемое, но все равно кажущееся липким и чужим белье?

Наверно, они привыкли к ужасу каждодневных убийств. Попривыкли сердца, не разрывались уже от страха, когда из тела человеческого в муке и воплях нарождалось нечто, ждавшее, возможно, своего часа миллионы лет.

Наступило изнеможение души.

"Мы скоро сменим вас", — говорила столица.

"Еще немного", — подбадривали их.

"Вы — герои, и страна ничего для вас не пожалует".

Не жалели. Только замены не слали.

Мало-помалу стало очевидно, что обратно их не выпустят вовсе. Обреченность, глухая старуха с паутиной вместо лица поселилась в их доме. Водки и денег же было в избытке.

Как старший, Эхов вел журнал. Ему это было не в радость, но так уж положено.

Время тянулось бесконечно. Им запрещалось звонить домой. Нельзя было писать. Все общение с миром — через шоколадный телефон.

Все равно что питаться через соломинку.

Коршак, капитан медслужбы, отрасли волосы до плеч. Веня Люлин стойко пренебрегал мылом, что было несколько странно для сотрудника известного столичного вуза.

Они поселились порознь, в отдельных номерах местной неказистой гостиницы. Вечерами собирались, но не всегда, и не все. Коршак, к примеру, часами лежал на кровати, просунув босые ступни сквозь прутья спинки, и созерцал глаз немислимых размеров. Чудовищный этот глаз он вырезал из одного "экземпляра" и заключил в склянку. Вероятно, игра света в циклопическом черно-фиолетовом зрачке имела воздействие наркотическое...

Однажды они собрались за картами. Тасуя колоду, Коршак повел носом.

Меча карты на стол, он наклонился к Люлину и принюхался, словно большой линейный пес.

— Ты бы, что ли, ноги помыл. Слышно за версту.

Веня, молча улыбаясь, не бросая карт, стянул с правой ноги носок и вылил на желтую влажную ступню флакон одеколона.

Коршак в бешенстве вскочил и ударил его по зубам. Нежно звякнул и рассыпался хрустальный флакончик. Дверь номера с грохотом хлопнула за Коршаком.

По мере того, как члены бригады опускались, записей в журнале становилось все меньше. Втроем им сделалось тесно, и они с радостью устремлялись на недавно ненавидимые операции.

Тихим днем, когда зимнее небо накрыло белесым подолом цепи темных иссеченных гор, под окнами гостиницы остановился армейский вездеход. В комнату Эхова, где в этот час сидела вся троица, постучали. Дверь открылась.

В комнату ступила Старая Дева. Они не успели произнести ни слова, но каждый именно так мысленно назвал про себя возникшую на пороге особу.

Более всего потрясал коричневый, выдавший виды громоздкий пиджак, сидевший как бы отдельно от туловища. Ниже болталась знавшая лучшие времена юбка, вольно охватывая две сухие тощие ноги с пухлыми набалдашниками коленей.

Ноги были обтянуты развратного лилового цвета чулками. Дева оказалась обута в мужского типа болотные полуботинки, видно, специально приобретенные для командировки.

Конечно, она была в очках.

И безо всяких признаков бюста.

Словом, образ ее словно сошел с безвкусной киноленты о средней школе.

Эхов, говоривший накануне по шоколадной "черепашке" и знавший больше остальных, поднялся и сказал:

— Друзья! Знакомьтесь — Нина Глюк, четвертый член нашей бригады. Так что полку, как говорится, хе-хе... Доктор медицины, между прочим.

— Я кандидат.

Она внимательно таращилась из-за стекол очков. Увидав ее увлеченный оптикой зрачок, Коршак отшатнулся.

Наутро Люлин заглянул к Эхову.

— Михаил, она ведь баба, там что, с ума посходили? Туземок беременных им мало, да?

Ощущая непонятную неловкость, Эхов оглянулся зачем-то и, наклонившись к Вене, пробурчал несколько слов.

— Невинная овца! Ее-то и не хватало в нашей миленькой компании! — Люлин удалился, сохраняя на лице удивленно-обиженное выражение.

Первую неделю имя Глюк не сходило у них с языка. Но к концу месяца они выдохлись.

Она оказалась не такой уж противной. Молчаливой, но не занудой. Веня стал ей давать стирать носки и белье. Она готовила еду, когда бывала не занята. Не приставала с замечаниями, не лезла в разговоры. Глюк была превосходным ассистентом, на операциях спокойной и понятливой. Уроды ее не пугали, резала их кандидат медицины мастерски. Эхов полюбил работать с ней в паре.

В центре знали, кого посылать. Психологи, — думал Эхов. Мужчина усилил бы раздражение. Привлекательная женщина породила бы соперничество. Глюк — то, что надо.

Больше не присылали никого, зато их стали технически оснащать, вплоть до томографа, которому страшно обрадовался Коршак, но потом выяснилось, что от компьютера мало толку. Отчего-то он не "брал" уродов. Капитан потускнел и вновь подолгу пропадал в своей комнате.

Однажды они распаковали прибор, совершенно незнакомый...

— Мне работать с ним не хотелось... терпеть не могу все такие штучки. Мне уже поздно... Предложил этим попробовать. Отказались. Тогда пришлось опробовать аппарат нашей Глюк. На операции, со

мною. Говорю: будете нашим пионером. Знаешь, как она на меня посмотрела? С благодарностью. С благодарностью!

Эхов с трудом владел собой. Его глаза лихорадочно вращались, рот переполнялся слюной, которую он поминутно трудно и громко сглатывал. Он был почти невменяем.

Следовало все немедленно прекратить. Но дьявольское искушение владело мной. Я хотел узнать до конца.

Еще чуточку. Сейчас договорит, и все. Будет спать.

— Так давай работай! Слышишь, ты! Уже ночь, довольно! Сделай, помоги мне заснуть...

Он вопил.

Я взял его за руку и заглянул в прыгающие, безумные глаза. Он внезапно оцепенел. И тогда, собравшись, я дал ему легкий т о л ч о к .

ДАЛЬШЕ!

ЭХОВ молчал пару минут. Я ждал. И вдруг он заговорил ровным, даже слегка монотонным голосом, отстраненно глядя мимо меня на стену.

— Тот аппарат предназначался... для восприятия... общего психического моторного состояния... пациента. Опытная модель...

Мы приехали в аул под вечер. Всю дорогу шел дождь, глина раскисла, машину мотало, как дробину в стакане. Нас сильно потрясло. Когда мы приехали и вылезли из вездехода, Глюк выглядела не лучшим образом.

Под насупленными взглядами толпы солдаты таскали оборудование. Офицер остался в машине, выставив наружу длинные ноги, затянутые в неестественно узкие сапоги.

Неповоротливые в своих доспехах, мы с трудом протиснулись в двери. Женщина лежала совершенно одна в комнате, раздетая, до пояса прикрытая простыней. Она заметно дрожала.

Пока мы готовились, она не сводила глаз с Глюк, словно взглядом надеясь сделать ее союзницей.

Мы включили рожаящую в аппарат. Я заканчивал раскладывать инструменты, как тут все началось. В воздухе сразу запахло потом и свежей кровью. На этот раз нарождалось что-то и вовсе необычное, судя по ее животу и конвульсиям.

Я взял мощные крючья с фиксатором. Я видел боковым зрением, что Глюк надевает на голову обруч с проводами от аппарата.

Женщина кричала непрерывно. Новый удар изнутри потряс ее тело. Она выгнулась, опираясь на стол затылком и пятками, и захлебнулась своим воплем. Послышался характерный рвущийся звук, и мои перчатки залило теплым.

— Наркоз!

Я пожалел несчастную, хотя вообще против искусственных приемов. Покачивая увенчанной блестящим ободом головой, Глюк ввела ей иглу в вену. Я думал, она выражает неудовольствие. Но тут же заметил, что с ней неладно. Глюк стояла желтая, точно лимон.

Зашаталась.

Я ничего не понимал. Крикнул: "Что с вами?" Она не отвечала, согнувшись и руками обхватив живот. Потом застонала, и, скрючившись, стала пятиться от стола. Я же не мог оторваться, прикованный к операционному полю.

Вдруг она издала низкий утробный звук и повалилась навзничь. И лишь когда задралась ее согнутые в коленях ноги, я сообразил, что, собственно, происходит.

Зрелище старой девы, бесплодной, словно сухой стручок, корчащейся в родовых муках, было чудовищным, противостоительным, и одновременно несло в себе, несмотря на всю обстановку, нечто комичное.

Она билась головой. Раздирала одежду и выла... Главное, я никак не мог оторваться, чтобы помочь. Нужно было лишь сдернуть обруч. Но урод сейчас лез наружу и показался уже наполовину. Конечно, его можно было просто выдернуть, но я боялся за женщину. Я стоял с ланцетом наготове, чтобы сразу с ним покончить, и чувствовал, как мороз прдирает по коже от каждого крика Глюк.

Это тянулось с час...

Я смахнул урода, точнее то, что от него осталось, в таз на полу. И только тогда подошел к своей ассистентке. Она была в сознании, но словно пьяная и ничего не отвечала. Тогда я сделал ей укол. Она быстро заснула, и мне на руках пришлось тащить ее к машине. Охране я сказал, что доктору сделалось плохо на операции.

На следующий день я проспал до обеда. Когда спустился в столовую, там уже сидели Люлин и Коршак. Капитан сразу заинтересовался, как показала себя новая техника. Я отвечал уклончиво, решив сперва побеседовать с Глюк.

Она еще не проснулась, и ждать мне пришлось до пяти вечера. В очередной раз постучав в ее дверь, я наконец услышал слабое "выйдите".

Вид ее вызвал к состраданию. Она была как трясичная укла, забытая хозяйкой в кустах и обнаруженная на следующий год.

Я спросил о самочувствии. Она пожаловалась на боли в пояснице, в низу живота, на лому в затылке. Она с трудом ворочала языком после амитриптилина и смотрела на меня тихо и скорбно, словно с иконы. В некотором замешательстве я спросил, помнит ли она вчерашний вечер и что за ним последовало.

Глюк ничего не помнила, должно быть, она теряла сознание? Ранее с ней такого не случалось. Чувствовалось, что она стесняется меня и своей слабости, и неизвестно, чего сильнее.

Я пообещал лекарства и вышел.

— Оч-чень любопытно, — проговорил Люлин, когда я рассказал им о случившемся.

— Какие будут соображения?

— Ну, — сказал Коршак, — наверно, состояние той дамы транслировалось нашей Глюк в полном, так сказать, объеме. Не думаю, что так и должно быть. Сдвинулся аппарат, от тряски по здешним дорогам.

— Его на вертолете привезли, — напомнил Люлин.

— Тем более, — отрезал Коршак.

— О его работе велено отчитаться перед центром, — не унимался Венья.

— Отчитаемся. Эка невидаль. Но!

Коршак внушительно поднял палец.

— Опыт требуется повторить.

— Ты серьезно? — спросил я.

— Естественно. Каждому ясно, что, ежели мы зарубим новую технику на основании однократного неудачного применения, то нас высекут. А нам это надо? То-то.

Он издевался, это ясно. Нашел время...

— В общем, так. Аппарат не трогать. Когда вернемся... — я невольно загнулся, — когда вернемся, можно сделать ин-терес-нейшую работу. Если вдуматься — событие из ряда вон...

Коршак неожиданно сложил дуло и выставил мне на обозрение.

— Видел? — осведомился он. — Вот тебе научная работа. "Из ряда вон!.." Да у нас тут каждый день из ряда вон... Потому и не пускают отсюда. Хватит кривляться! Мы тут намертво влипли, намертво. Когда придет время, нас упекут в лагерь. Таких, как мы, на волю не пускают. Их и з о л и р у ю т , в лучшем случае.

Назревал бунт.

— Прекрати истерику! — заорал я. — Болван!

Коршак расхохотался.

— Ну-ну. Говорите-говорите. Только я такую потеху не упущу. На первую же операцию заберу с аппаратом, как оклемаются.

— Попробуй, — ледяным голосом процедил я. — Я тут же напишу докладную твоему командованию в Академию. И тебя мигом оставят без погон. Ты ведь так за них переживаешь.

— Ах ты, гнида... — он даже задохнулся. — Я... в гарнизоне лямку двенадцать лет... чтоб потом каждая сволочь командовала... Сделаю, как сказал! А будешь мешать... — тут слов ему опять не хватило, последовали брань и угрозы.

Вдруг подскочил Люлин. От возбуждения он пританцовывал, быстро переступая детскими своими башмачками.

— Эхов, ты это брось! Ничего тут такого нет. В конце концов, мы тоже врачи, нам тоже нужно посмотреть. Ты не мешай, Эхов.

И еще что-то он говорил.

Люлин меня особенно поразил, признаюсь. Они обступили меня с боков. Капитан, выставив покатый лоб, стискивал кулаки. Было видно, что он с трудом подавляет страстное желание врезать мне между глаз. Люлин, чтобы казаться выше и значительнее, приподнимался на носки, оскалив кривые гниловатые зубы. Он словно готовился впиться в шею, как упырь. Я с ужасом и удивлением глядел на этих людей. Что случилось с ними за каких-то четыре месяца?! И только ли с ними?

— Черт с вами, — я отвернулся.

Мне стало страшно. Да, страшно. А что оставалось делать?

...Они развлекались с ней почти каждую неделю, на следующий день обязательно делясь подробностями. Эта игра их захватила совершенно, и оба ревниво оберегали свое право на очередность. Мне они запретили работать с Глюк.

Собственно, я был рад этому. Мне трудно было даже встречаться с ней. Она ничего не понимала. Выглядела Глюк с каждым разом все хуже, очевидно, организм ее не успевал восстанавливаться. Самая большая гнусность заключалась в том, я уверен, что она ничего совершенно не понимала!

После наркоза она забывала происходящее, и так повторялось раз за разом.

И без того тощая, она стала еще костлявей.

Новым испытанием для нее сделался страх. Как медик, Глюк не могла не заметить расстройства своего здоровья; не зная причины, она стала подозревать у себя самый злоеший недуг. Поначалу она, возможно, как со старшим бригады, делилась со мной наблюдениями, иногда мы просто разговаривали. Ныне, чтобы замаскировать невозможность совместных операций, я вынужден был учинить ей разнос за низкую профпригодность. Я пошел на это через громадное усилие, однако разнос, против ожидания, получился очень натуральным. Обнаружилась невесть отсюда взявшаяся резкость, и целый ворох грубых, конечно, незаслуженных упреков обрушил я на Глюк. Мне было трудно остановиться.

Глюк потрясенно молчала. С того дня она окончательно замкнулась и больше уж не заикалась о самостоятельной работе.

Это походило на изнасилование, совершаемое с регулярностью расписания. Продолжаться бесконечно так не могло, но я надеялся, что им наскутит в конце концов.

И ТУТ — звонок из столицы.

Нас отпускали. От-пус-ка-ли!

Люлин тогда был на операции. Капитан заплакал, когда я убежал с этой новостью к нему. Мы обнялись. То была сцена, достойная Хичкока.

Венечку мы ждали под утро. Но он вернулся раньше. Один. Едва он появился, облизывая сохнувшие губы, с царапиной над правой бровью, у меня внутри все сжалось от предчувствия.

— Рассказывай, что стряслось, — потребовал Коршак.

— Она... они... сбежала... — выдавил наконец тот.

— Что?!

Люлин принялся рассказывать. Он путался, подбирая слова, устремлялся в ненужные подробности, которые нас теперь просто бесили, и был совершенно неуправляем. Он трусил и, вместе с тем, нагло, всем видом показывал, будто ничего не случилось.

...У него на операции погас свет. Не напряжена упало, а именно вырубилось освещение. Глюк уже была включена в аппарат, и предствление шло вовсю, когда случилась эта неприятность. Люлин стоял в полной темноте, по звуку пытаюсь сообразить, что происходит на столе перед ним. О Глюк он как-то сразу позабыл. Было неясно, к то наражается. Он покричал охране, но его не услышали.

Он ждал.

Роженица, получившая наркоз, безмолвствовала. И вместе с тем роды продолжались, и надо было что-то предпринимать. Тогда Люлин рискнул выйти из-за бронезрана и поискать спички. Едва он ступил назад, как раздался вопль такой силы, что Веня похолодел. Кто кричал, разобрать он не сумел. Потом донесся звук опрокидываемых стульев, звяканье металла, хруст, и вдруг по его неприкрытому лицу мазнуло чем-то влажным.

Он тоже заорал и бросился к выходу — наугад. С фонариком Люлин воротился назад и обнаружил, что Глюк и новорожденный исчезли, аппарат перевернут, роженица продолжает пребывать без сознания. Наспех проведенные поиски результата не дали, и пришлось возвращаться.

— Во что бы то ни стало, ее надо поймать!

— Да чего, — огрызнулся Люлин, — сама придет. Или кордоны изловят.

— Никаких кордонов! Никому вообще ни слова! Или ты уже разболтал? — выкрикнул Коршак и замолк, сознавая никчемность вопроса.

— Офицер и солдаты, естественно, знают. Я сказал им, что у доктора припадки, вот и сбежала. А что еще оставалось?!

— А про младенца сказал? Что тоже пропал?

— Н-нет...

— Господи, хоть здесь ума хватило! А, так ты ведь новости еще не знаешь!

Услышав ее, Люлин помертвел. На него было жалко смотреть.

— Все пропало, — прошептал он, — все пропало. Теперь уж все — никуда не отпустят. Как только узнают...

— Чего это они узнают? Искать ее надо. Давай, показывай, поехали! Вставай, говорю!

Коршак орал ему прямо в уши.

Мы быстро собрались. Капитан сидел за рулем. Я и Люлин позади, подпрыгивая на жестком сиденье "УАЗа". Мы никому ничего не сказали. Коршак захватил рацию, два пистолета, и укороченный "калашников" — для себя.

Глухой ночью мы въехали в тот аул. Фары выхватывали клочья тумана, черные туши домов походили на огромных животных.

Искать ее сейчас, в темноте, было бесполезно. Собственно, мы поторопились. Однако ж сидеть там, в гостинице, было невыносимо. Напряжение не дало никому заснуть; почти не разговаривая, мы присидели в машине до рассвета. Погоня началась с наступлением утра.

Колеса мотали километры. Мы мчались от селения к селению, за каждым поворотом надеясь увидеть знакомую нелепую фигуру Глюк.

В кабине, несмотря на включенный отопитель, было холодно. Коршак безостановочно гнал машину, словно прикипев задом к сиденью. Люлин несколько раз принимался дремать, просыпаясь, испуганно косился на меня и тут же с преувеличенной старательностью начинал вглядываться по сторонам.

В те минуты я ненавидел Глюк. Было ненавистно вспоминать эту уродку, из-за которой рушились наши судьбы. Все могло б кончиться хорошо... Ведь главное — нам разрешили вернуться! Значит, поверили. Сказать, что один из бригады сбежал с э к з е м п л я р о м , означало самоубийство. Боже мой, в последний почти день! Нас ждали семьи, работа, деньги, наконец, очень немалые деньги. Все пошло прахом.

Машина остановилась.

— Послушайте, — сказал капитан, впервые обернувшись. — Чего это мы мечаемся? Не будет толку. Кругом горы. В аул ей путь заказан. Ну? Если она имеет мозги, то сообразит... если, конечно, решилась... одно у ней спасение — идти к ближайшей заставе. Перехватим — мы победили, вот что я думаю.

— Ни за что она туда не пойдет, ни за что. Просто смешно даже слушать. Уверен, она тащится где-нибудь по дороге. Надо быстрее ехать, — возразил Люлин, без особой, впрочем, уверенности. Мне показалось, скорее для того, чтобы просто как-то возразить и тем проявить свое участие.

— Нет. Идем к заставе, — упрямо ответил капитан.

Машина тронулась.

Прошло около часа. Дорога петляла по дну широкой лощины, метрах в двустах бежала небольшая речка, медленная здесь, и, должно быть, обжигающе холодная.

Впереди нас в ее течении вертелся и прыгал какой-то предмет. Я взял бинокль.

Это была крохотная металлическая плоскодонка. В ней, скорчившись на дне, лежала Нина Глюк. "УАЗ" взревел. Коршак свернул с дороги и мы понеслись вдоль берега. Галька брызгала из-под колес, била по днищу. Вот мы поравнялись, обогнали лодку.

— Стой, — сказал Люлин. — Здесь мелко, я ее поймаю. Дай автомат.

— Зачем?

— Дай, говорю, — в его голосе появилось что-то незнакомое. — Там же урод. А вы на всякий случай езжайте дальше, ниже. Ладно, я виноват, дайте исправить...

Шум реки ему мешал, он напрягался, почти кричал.

— Ладно... — капитан протянул ему автомат.

Люлин спрыгнул и побежал к воде. Мы двинулись. Проехав еще метров сто, Коршак остановился.

— Тут я выйду, — крикнул он, — надо наверняка. А ты поезжай на третий рубеж.

Я перебрался за руль. Метров триста проехал, остановился, выбрался наземь. Далее ехать было нельзя, река делала здесь поворот и уходила в скалы. Я присел на шершавый тугой валун, и, достав пистолет, положил рядом. Вытащил опять бинокль.

Люлин стоял по колено в воде, расставив ноги, и глядел, как приближается лодка. Оружие болталось на груди, нелепо, как бы отдельно от него.

Судя по всему, там, где стоял Люлин, было достаточно мелко, чтобы дотануться до лодки. Глюк сидела на дне, и, кажется, что-то кричала.

На миг Люлин обернулся, я увидел его бледное, мокрое лицо: он нелепо перехватил автомат, повел стволом, и вдруг пламегаситель озарился бледными сполохами. Донесся треск очереди.

Еще.

Глюк исчезла.

— Что ж ты делаешь, гад! Ах ты, гад!

Капитан несся к нему, делая огромные неуклюжие скачки на мокрой гальке. Лодка проплывала мимо. Вениамин через плечо поглядел на нее и пошел к берегу. Увидев Коршака, он вновь вскинул оружие и выстрелил дважды.

Капитан на бегу скovyрнулся и въехал лицом в камни.

Тогда Люлин направился в мою сторону.

Я залег за валуном. Затрясло. У него был автомат! Нужно было вскочить и бежать — как можно скорее — к машине, но я лишь плотнее вжимался в камни. Взял пистолет. Дослал патрон. Потом на всякий случай вытащил магазин, посчитал... Семь штук. Когда я вставлял его обратно в рукоятку, магазин скользнул из пальцев и полетел вниз, в реку. Тихий всплеск.

Ха-ха! Поверь, я рассмеялся... ну, не поверишь... плевать. Страх вдруг исчез, да и не было его вовсе... Я поднялся. И крикнул ему... Я крикнул...

Эхов вновь возбуждался. Его лицо пылало, речь становилась все менее ясной. Но я чувствовал, что скоро развязка.

— Я подумал, что он убьет меня все равно. Но Коршак, наш капитан, как в кино... он был, значит, жив... Когда Венечка с ним поравнялся, он его — паф! — застрелил. В затылок. Наповал!

Издали было видать его залитое кровью лицо. Он закричал и замахал руками, я опять не разобрал.

Тогда Коршак заорал вновь. Я обернулся... злосчастная лодчонка была совсем рядом... В ней, приподнявшись и опираясь на руки, дико смотрела на меня Глюк.

Я понял, что она кричала.

"Пустите нас!"

Нас разделяло метров десять. Рядом с ней лежал предмет... в тряпках каких-то... Он шевелился.

Их было двое, а у меня только один патрон в стволе.

Я увидел ее лицо. Словно из скорлупы... и прямо в него, и прямононько в него я... влепил пулю... В лицо!

Ее швырнуло за борт!

Ты испугался? Н-ну... А я помню, как изо лба ее брызнуло красным, и это были ее проклятые мозги! Я ее убил! И еще раз убил бы, хоть сейчас... тварь...

— А урод? — спросил я.

— Убил бы! Хоть сейчас! В лоб! В про... проклятый...

Эхов рычал, содрогаясь.

Все было кончено.

Я дотронулся до его лба, и через мгновение он уже спал.

За окном пролилась на землю бездонная южная ночь. Я выглянул в коридор, там было пусто. Тогда я осторожно перенес своего гостя в холл и устроил в кресле.

Стоит ли говорить, что я провел без сна часы, оставшиеся до рассвета. Все услышанное не поддавалось осмыслению; в памяти мелькали отрывки, интонации его голоса, осколки этой дикой истории. Я не сомневался, что все это правда. В сознании пронеслись образы людей, чужих, но словно и знакомых. Лишь Глюк не представлялась. Странно... Воображению не удавалось схватить ее черты, ничего, кроме нелепой одежды. Она казалась какой-то аморфной, квашной, лишенной индивидуальности, хотя, конечно, это было не так. И вместе с тем я ощущал некоторое раздражение против нее, безусловно несправедливое.

Многое в их поведении казалось странным. Зачем Люлин стрелял в Глюк? Зачем та, в свою очередь, пустилась в утомительный путь, вместо того, чтобы искать защиты на месте. Неужели столь сильно чувство материнства... если только это можно назвать так. Неужели столь сильно, что заставило поверить, принять уroda, как своего ребенка?

Стоп. Ведь Эхов ни разу не упомянул, что Глюк бежала именно с уродом. Кажется, так. Чувствовалось, что такая деталь была для него несущественна.

Да, это интересно. Я стал припоминать... По его словам, сначала младенцев и уродов рождалось поровну, но потом будто человеческие дети стали исчезать. Скорее всего, Глюк подхватила именно урода. А потому именно его действительно требовалось уничтожить.

"Требовалось уничтожить..." Я поразился хладнокровию, с которым подумал об этом. И все же... Наверное, требовалось, требовалось. Так почему тогда он стрелял в Глюк?

Подумалось: может, странность в их поведении здесь связана как-то со всем этим? С историей, случившейся в горах.

Некая смутная догадка промелькнула...

Мне показалось, что я знаю ответ, что я знал его, когда Эхов еще сидел в моем номере. Пожалуй, я просто не хотел тогда — или боялся? — чтобы он прозвучал вполне внятно.

Когда зародилась у них эта мысль? А может, все вышло случай-

но?

На завтрак я не пошел, и потому о случившемся узнал не сразу. Часов около одиннадцати ко мне заглянул сосед по столику в столовой, поинтересовался, отчего я не был, и, не дожидаясь ответа, сообщил: утонул отдыхающий из нашей смены.

Размышляя, я поспешил к морю.

"Ликвидировать обоих коллег — и все. А иначе — жизнь в ожидании, что кто-нибудь проговорится. Люлин понял это первый. Или же случай его подтолкнул? Как бы там ни было, момент он выбрал наилучший. Его погубила неопытность..."

Утопленник лежал на пляже. Возле суетился местный доктор. Подождать стояли отдыхающие, переговариваясь и слабо скрывая известное оживление.

Я сразу заметил его. Эхов стоял к утопленнику ближе всех и казался спокоен. Руки он скрестил на груди, плечи поднимались и опускались в такт дыханию, которое с заметным шумом прорывалось сквозь зубы. По этому только и можно было судить об охватившем его волнении.

Я почел за лучшее не прятаться и поздоровался. Он кивнул. Спрашивать, как Эхов спал, я не решился, хотя именно это интересовало меня сильнее всего.

— Как это случилось? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Поднялся ни свет ни заря, отправился на пляж. Ногу, что ли, свело... Не знаю.

— А вы в номере оставались?

— Конечно, — жестко ответил он и уставился на меня.

Только теперь мне стало ясно, какой ад царил в их душах. Они могли ощущать относительный покой только когда были вместе, на глазах друг у друга. Отсутствие любого могло означать провал и разоблачение.

Чувствуя, что продолжать расспросы — выдать себя наверняка, я промолчал. Помнит ли он о вчерашнем? Что мы знакомы, знает. А остальное? Внушение было направленным, он должен был забыть основное. Удалось ли это вполне... Все-таки он был пьян. К тому же Эхов только что определенно солгал. Значит...

Господи, значит он его попросту убил. Коршак оставался единственным, кто з н а л. Кто мог рассказать, чем они занимались. Как же боялись, если ни на миг не упускали из виду друг друга, эти двое!

Но за чем они пошли на это? Трое взрослых, совершенно разных людей?

И с неизбежностью приходилось признать, что преступление их содержало некоторое рациональное зерно.

Чем глубже мысленно я проникал в их психику, тем крепче становилась моя убежденность. Догадка была определенно верна, хотя бы потому, что вполне объясняла все кажущиеся нелепости. Их поведение теперь выглядело совершенно логичным.

Мне сделалось страшно. Я горько пожалел о своем любопытстве. Потому что знать такое запрещено.

Стараясь выглядеть спокойным, я выбрался с пляжа. Эхов пошел на крайность; оставаться здесь — значит дожидаться своей очереди.

Я не осуждал их. Это может показаться безразличным, и все же. Я думал — по своей ли воле они это делали? Да или нет?

Уничтожали всех новорожденных. ВСЕХ. Во избежание ошибок, чтобы не пропустить урода? На всякий случай разрывали стальными крючками слабые человечьи тельца?!

Но теперь я представляю для них, — нет, ныне только для Эхова, — ужасную опасность.

Чемодан я укладывал как попало. Наконец остановился и оглядел комнату, с которой спешно и навсегда расставался.

Из открытого балкона потянуло сквозняком. Вдруг скрипнула, приотворяясь, входная дверь. Я забыл ее закрыть!

"Спокойно, это ветер. Это всего лишь ветер".

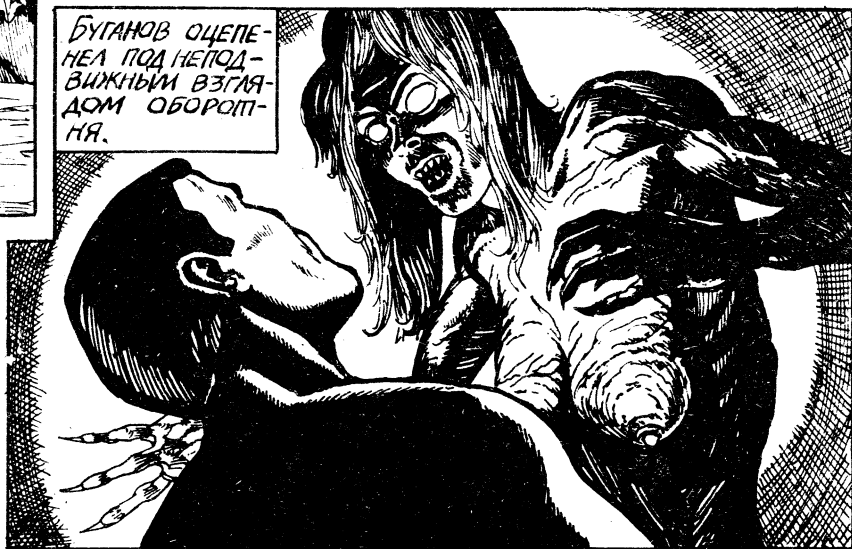
Я неподвижно смотрел на дверь, которая раскрывалась все шире...

ПОЕДИНОК

Человек-паук, оборотень, вселился в капитана Желябова. Желяя отомстить Буганову, оборотень захватил в заложницы его жену. Буганову удалось убить псевдо-Желябова и спасти жену.

И. Кожевников И. Ермаков

(См. «ПиФ» N15)

Постойте...
подождите...
Что вы
делаете?

ЕЩЕ ПРИ-
КЛАДЫВАЕТСЯ,
САДИСТ!

Кто садист?
Что ты мелешь?!

А КТО УБИЛ И ИЗУРОВОДАЛ СВОЮ ЖЕНУ?!
У ТЕБЯ ЖЕ, СВОЛОЧЬ, ВСЯ РУБАШКА В КРОВИ!

Буганова привезли в следственный изолятор.

Я ВЕДУ ВАШЕ ДЕЛО.
Прошу вас, гражданин Буганов,
ознакомиться с материалами.

Я НИЧЕГО НЕ
ПОНИМАЮ!

НЕ ПОНИМАЕТЕ? А ЧТО
ПЛУТ ПОНИМАТЬ! ВЫ ЖЕ БЫВ-
ШИЙ ГЕБЦИСТ И ВИДИТЕ, ЧТО УЛИ-
КИ ПРОТИВ ВАС СТОПРОЦЕНТНЫЕ.
ТАК ЧТО НЕ ВАЛЯЙТЕ ВАНЬКУ!

НО Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО
НЕ ПОМНЮ ЭТУ НОЧЬ И ТО,
КАК ОКАЗАЛСЯ В ЛЕСУ...
НО ПРОШУ, ПОЙМИТЕ, Я НЕ
МОГ ЭТОГО СДЕЛАТЬ!

МОЖЕТ, СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИ-
МЕНТ ОСВЕЖИТ ТВОЮ ПАМЯТЬ,
УБИЙЦА!

А ЗА НОЧЬ СОВЕТУЮ МОРАЛЬНО ПОДГОТОВИТЬСЯ К НЕМУ!

БУГАНОВА ОТВЕЛИ В КАМЕРУ. СМАТЕННЫЙ И ОПУСТОШЕННЫЙ, ОН ДУМАЛ О ПРОИСШЕДШЕМ.

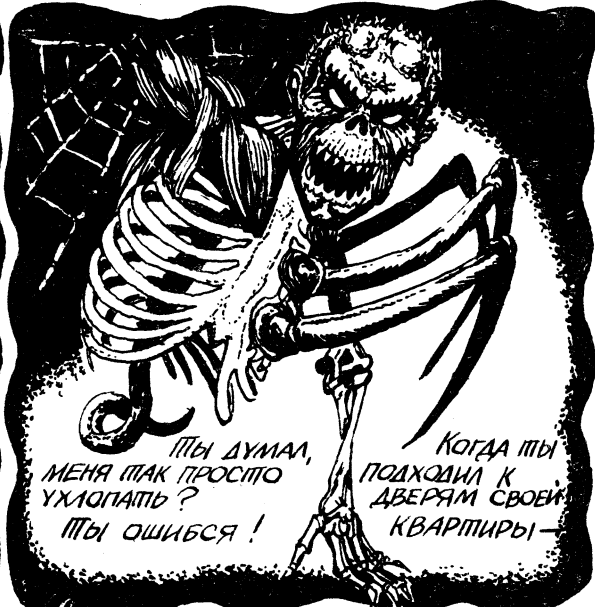

ВСЕ УЛИКИ ГОВОРЯТ, ЧТО УБИЙЦА - САДИСТ - ЭТО Я. ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ НА МЕСТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ, У МЕНЯ ТОЖЕ НЕ БЫЛО БЫ НИКАКИХ СОМНЕНИЙ.

БУГАНОВ БЫЛ СЛИШКОМ ПОДАВЛЕН. МЫСЛИ ЕГО СПУТАЛИСЬ, И ОН ЗАБЫЛСЯ ТЯЖЕЛЫМ СНОМ.

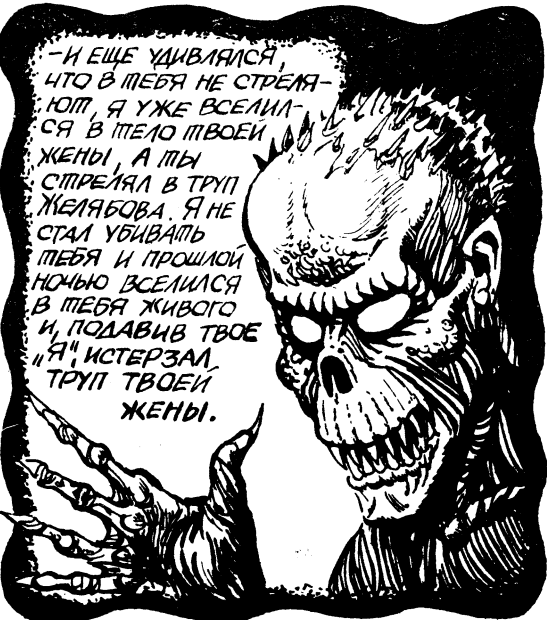
ЗДРАВСТВУЙ, БУГАНОВ! ЭТО Я! ЗЛОРОВО Я ОТЛОМЛЮ ТЕБЕ ТВОИМИ ЖЕ СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ? ХА-ХА-ХА!

ТЫ ДУМАЛ, МЕНЯ ТАК ПРОСТО УХЛОПАТЬ? ТЫ ОШИБСЯ!

КОГДА ТЫ ПОДХОДИЛ К ДВЕРЯМ СВОЕЙ КВАРТИРЫ -

- И ЕЩЕ УДИВЛЯИСА, ЧТО В ТЕБЯ НЕ СТРЕЛЯЮТ, Я УЖЕ ВСЕЛИЛСЯ В ТЕЛО ТВОЕЙ ЖЕНЬИ, А ТЫ СТРЕЛЯЛ В ТРУП ЖЕЛЯБОВА. Я НЕ СТАЛ УБИВАТЬ ТЕБЯ И ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ ВСЕЛИЛСЯ В ТЕБЯ ЖИВОГО И, ПОДАВИВ ТВОЕ "Я", ИСТЕРЗАЛ ТРУП ТВОЕЙ ЖЕНЬИ.

ПРИДЯ В СЕБЯ, БУГАНОВ ПОКАЛ, ЧТО ЭТО БЫЛ НЕ СОН. ИДУ УБИЛ МЕРЗКИЙ ОБОРОТЕНЬ КАМЕНЬ УПАЛ СЕГО ДУШИ, И ОН РЕШИЛ ДЕЙСТВОВАТЬ.

СЕЙЧАС ПОВЕЗЕМ ТЕБЯ НА СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ.

Ну, вот и приехали. Надеюсь, гражданин Буганов, вы все хорошенько вспомните.

Что я могу сказать... Квартира моя, все вещи на месте. Но жену убил не я. А кто убил, говорить не буду. Все равно не поверите. Вот так.

Да вы, вы ее убили. Не хотите сознаваться - не надо! Улик более чем достаточно! Завтра передаю дело в суд!

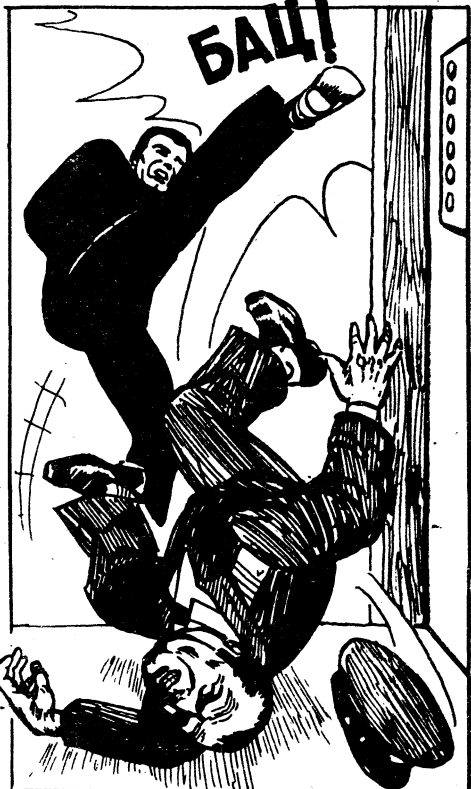

Ну, что там, вызвали лифт? Наконец-то!

Двери лифта открылись...

БАЦ!

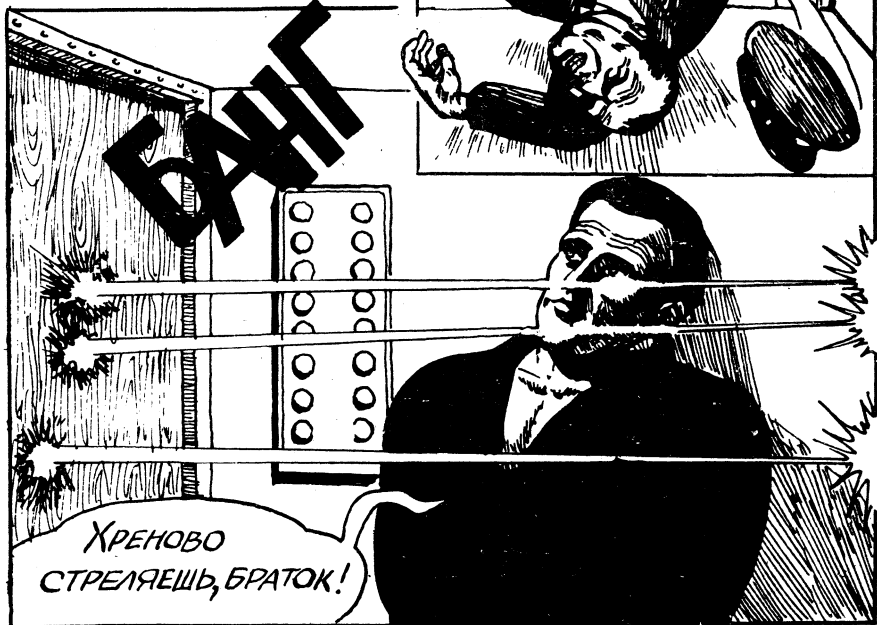
БАЦ!

Несмотря на наручники, Буганову удалось нажать кнопку.

Стой!!!
Стрелять буду!!!

БАЦ!

БАЦ!

Хреново стреляешь, браток!

БУГАНОВ ВЫТАЩИЛ У ЛЕЖАВШЕГО МИМИЩОНЕРА ПИСТОЛЕТ И ВЫСТРЕЛОМ ИЗ НЕГО ОСВОБОДИЛСЯ ОТ НАРУЧНИКОВ.

БАМ!

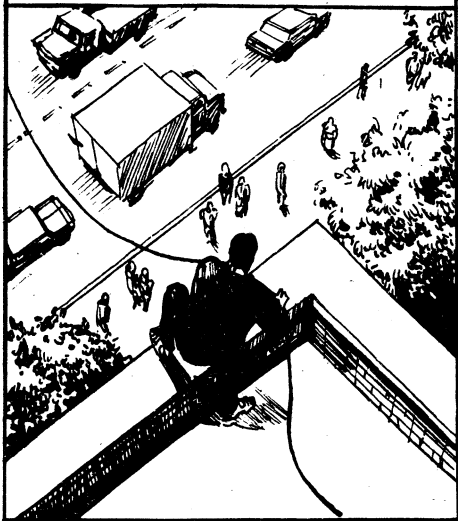
НАВЕРНЯКА ОНИ НЕ БУДУТ БЕГАТЬ ЗА МНОЙ ПО ЭТАЖАМ, А ОКРУЖАТ ДОМ И ВЫЗОВУТ ПОДМОГУ!

БУГАНОВ ПОДНЯЛСЯ НА ВЕРХНИЙ ЭТАЖ ДОМА.

ТАК ОНО И ЕСТЬ! НАДО БЫСТРЕЕ НА КРЫШУ!

ЗАБРАВШИСЬ НА КРЫШУ, ОН ОТОРВАЛ ПРОВОД КАБЕЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ.

ЭЙ, БУГАНОВ, НЕ ДУРИ!

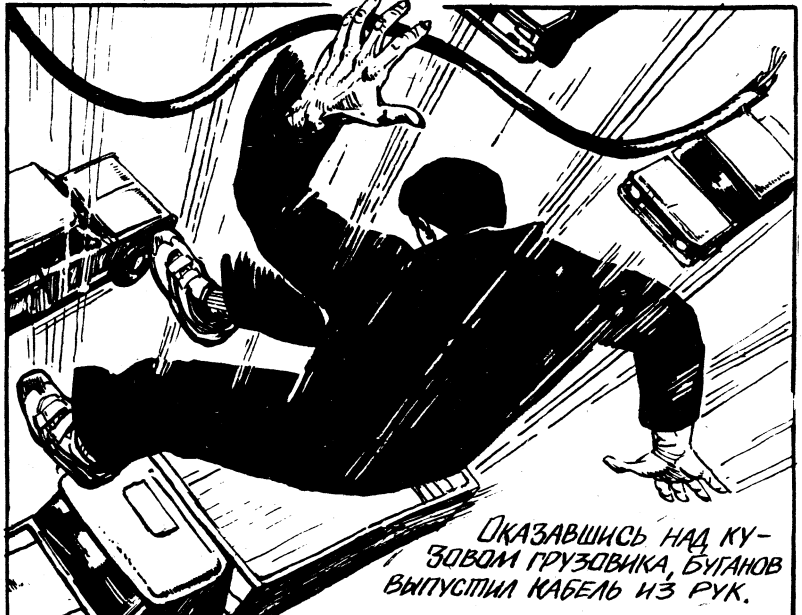

ЭХ, БЫЛА НЕ БЫЛА!

АААА

ОН ВСЕ-ТАКИ ПРИГНУЛ!

ОКАЗАВШИСЬ НАД КУЗОВОМ ГРУЗОВИКА, БУГАНОВ ВЫПУСТИЛ КАБЕЛЬ ИЗ РУК.

УДАЧНО ПОЛУЧИЛОСЬ! УШИБСЯ МАЛОСТЬ, ЗАТО МЕНТОВ С НОСОМ ОСТАВИЛ, СЕЙЧАС АДЕДУ ДО ЛЕСА, А ТАМ СПРЫГНУ.

ЧЕРТ ПОДЕРИ, ВСЕ БО-КА ОТБИЛ!
ХОРОШО, ЧТО ЛЕС БЛИЗКО.
НАДО ТОРОПИТЬСЯ
И УСПЕТЬ ДО ТЕМНОТЫ.

МЫ НЕ МОЖЕМ ВСТРЕТИТЬСЯ ЛИ-
ЦОМ К ЛИЦУ В ЭТОМ МИРЕ, ЗАТО
МЫ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ ЭТО В ПОЛУС-
ТОРОННЕМ.

ПРАВО ВЫБОРА МЕСЦА БОЯ И ОРУ-
ЖИЯ Я ОСТАВЛЯЮ ЗА СОБОЙ.
У ТЕБЯ НЕТ ДРУГОГО
ВЫХОДА.

БУГАНОВ УБЕДИЛСЯ, ЧТО МИЛИЦИЯ ПОТЕРЯЛА ЕГО СЛЕД. ОН УГ-
ЛУБИЛСЯ В ЛЕС, ЧТО БЫ ПРИВЕСТИ СВОЙ ЗАМЫСЕЛ В ИСПОЛНЕНИЕ.

СЛУШАЙ, ОБОРО-
ТЕНЬ, ТЫ СДЕЛАЛ
ОШИБКУ, ВСЕЛИВШИСЬ
В МЕНЯ ЖИВОГО, ТЫ НЕ
ДОЦЕНИЛ СИЛУ МОЕГО
ДУХА, ТЕПЕРЬ, КОГДА
Я ЗНАЮ ВСЕ Я МО-
ГУ ПРОТИВосто-
ЯТЬ ТЕБЕ.

ДА ТЫ ПРАВ, МАЙ-
ОР. Я ЧУВСТВУЮ, ЧТО
НЕ СМОГУ ВЫЙТИ
ИЗ ТЕБЯ ДАЖЕ МЕР-
ТВОГО. ПОЭТОМУ Я
ПРЕДЛАГАЮ ЧЕСТНЫЙ
ПОЕДИНОК.

Ишь ты!
Он оказы-
вается при-
верженец
средневековой
романтики.

Интересно,
наверное, он
предстанет в
своем любимом
обличье.

Победивший
возьмет себе не
только тело, но и зна-
чительно умножит свою
силу за счет побежденного.
А это
значит, что-

Одним мечом с ним
совладать очень трудно.

Да у меня
есть преимущество.
Но разве
на моем месте ты
поступил бы
иначе?

- В земном мире
он станет воисти-
ну всемогущим!
А теперь можешь
отведать моей
рабышлой слюны!

Проклятье!

ХА-ХА-ХА! Я ПОБЕДИЛ ТЕБЯ
ОБЫКНОВЕННОЙ ПОДНОЖКОЙ!

Оборотень слишком рано поверил в свою победу. Буганов схватил факел и бросил его в лицо врагу. Оборотень отпрянул.

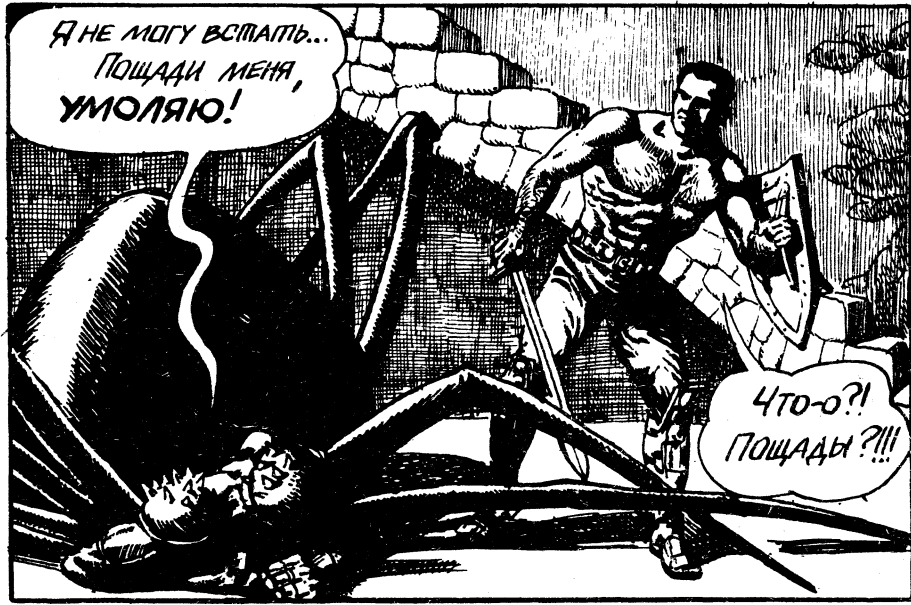

НА,
ПОЛУЧАЙ!

ДАААА

ПЛАМА ПЕРЕКИНУЛОСЬ НА ПЛАТФОРМУ, УДЕРЖИВАВШЮ ЕГО, ОН ПОТЕРЯЛ РАВНОВЕСИЕ И РУХНУЛ ВНИЗ.

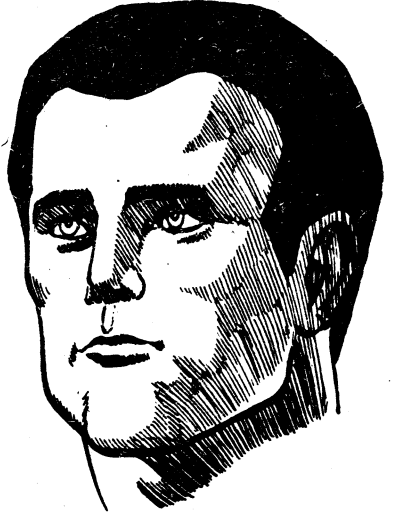

Я НЕ МОГУ ВСТАТЬ...
ПОЩАДИ МЕНЯ,
УМОЛЯЮ!

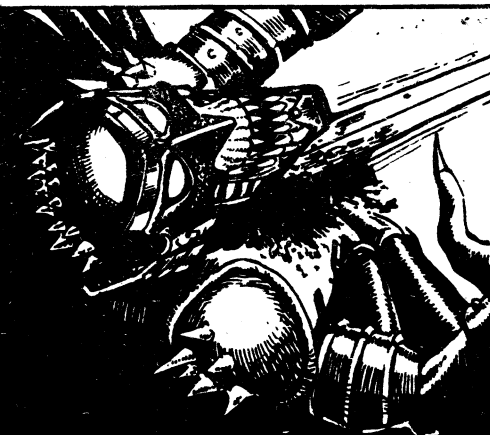
Что-о?!
ПОЩАДЫ?!?!

ТЫ
ЗАСЛУЖИЛ
ТОЛЬКО
СМЕРТЬ!

КОНЕЦ.

ЧУДОВИЩЕ на пороге дома

Говард Ф. Лавкрафт

Художник С.Ашмарин

ДА, я всадил шесть пуль в мозг своего лучшего друга, но убивал я не его. Можно, конечно, утверждать, что я безумен, более безумен, чем тот, в кого, как полагают, я стрелял в лечебнице для умалишенных в Архэме. Кто прочтет мои записи, вероятно, поймет меня, признает мою правоту: ведь это мне пришлось стоять лицом к лицу с чудовищем на пороге собственного дома. Я и сам до того дня не видел в происходящем ничего, кроме безумия, да и сейчас у меня нет полной уверенности в правильности своего поступка...

Разве мало кто знал в нашем графстве Эдварда Дэрби? Разве не каждый хоть что-то может рассказать о нем? Полиция видит в его последнем приходе ко мне и месть прогнанных слуг, и чью-то глупую шутку, бог знает что еще, но и они в душе своей признают — а я верю — не то что признаю — твердо убежден — что правда намного страшнее.

Итак, я не убивал Эдварда Дэрби. Скажу иначе: я отомстил за него, освободил землю от чудовища, которое могло принести еще много бед. Я понял, рядом с нашей обыденной жизнью, бок о бок, существует мир теней и иногда враждебные нам души выходят из темноты и, когда сталкиваешься с ними, надо бить сильно, прямо в цель, не заботясь о возможных последствиях...

... Эдварда Пикмана Дэрби я знал с тех пор, когда ему было восемь, а мне шестнадцать лет. Несмотря на разницу в возрасте, многое сблизило нас: он был талантлив и в семь лет писал стихи, полные фантазий, иногда мрачные и болезненные, которые ставили в тупик его частных учителей. У Эдварда была какая-то врожденная болезнь и родители никогда не расставались с ним, в их отсутствие гулял он только с гувернерами; со сверстниками почти не играл. Может быть, именно поэтому у него развился особый внутренний мир и воображение служило ему убежищем от действительности.

Я всегда тянулся к людям талантливым. А тут еще детство, ранняя юность, общие интересы к чудесным и таинственным вещам, ведь нас окружал старый город, в самых камнях которого застыли, казалось, предания и легенды, притягивающие, магический для нас город — наш старый Архэм.

Я рано увлекся архитектурой и пошел по этой стезе дальше, а Эдвард, на восемнадцатом году жизни, выпустил первый томик своих стихов "Азот и другие уродства", который сразу составил ему репутацию талантливого поэта. Дэрби, хотя и терялся в самых обычных ситуациях, жил в общем-то неплохо. Здоровье у него улучшилось, но Эдвард продолжал оставаться под родительской опекой: никуда не выезжал, сам не принимал никаких решений, не приобрел никакой профессии и, достигнув совершеннолетия, оставался в сущности большим младенцем.

Его светлые волосы, молочная кожа, мягкий и мелодичный голос нравились женщинам, и его могли бы ожидать многочисленные победы, если бы он не выбрал роль затворника в окружении одних только книг.

Я тем временем закончил Гарвард, прошел практику у бостонского архитектора, женился и вернулся в родной дом. Эдвард приходил ко мне ежевечерне. Звонил он, кстати, всегда одинаково: три коротких и, после паузы, — еще два раза. Я же бывал у него гораздо реже.

Дэрби в шестнадцать лет поступил в местный университет Мискатоник и тремя годами позже получил диплом. Был он первым по английской и французской литературе, хорошие оценки получал по всем предметам, за исключением математики и точных наук. Он с головой окунулся в богатое собрание университетской библиотеки: читал "Книгу Эйбона", "Неизвестные культы" фон Юнтца, "Некрономикон" Абдуллы Альхазреда — все по оккультным наукам.

Дэрби к 25 годам отличался необыкновенной эрудицией и слыл довольно известным поэтом.

Мать Эдварда умерла, когда ему было тридцать четыре года. Мой друг настолько болезненно переживал ее кончину, что несколько месяцев даже лечился от нервного расстройства. Я не отходил от него. За эти месяцы мы особенно сблизились, и сына, который родился у меня примерно через год после выздоровления Дэрби, я назвал в честь своего друга.

... Дэрби познакомился с Азенат Уит, когда ему было тридцать восемь лет, а ей двадцать три. Дочь моего знакомого Симона Бьюки, Ирэн, училась вместе с нею в колледже Холла в Кингспорте, от Ирэн я узнал об Азенат и, встретив как-то двух девушек вместе, составил мнение об Азенат. Темноволосая, маленькая и очень красивая: ее красоту не могли испортить даже немного навывкате глаза, но суть в том, что она была из Иннсмута, а место это отличалось недоброй славой. Одна легенда гласила о каком-то чудовищном договоре, заключенном между жителями города и нечистой силой в 1850 году, другая объявляла некоторых членов старых семейств "не совсем людьми".

Что же касается Азенат, то дело ухудшалось еще и тем, что она была дочерью Эфраима Уита, который в старости женился на молодой женщине (та очень редко появлялась на улице и всегда под вуалью). Всю жизнь старик занимался магией и некоторые всерьез уверяли, что он может вызвать или усмирить бурю на море. Мне пришлось видеть его один или два раза, правда, очень давно, когда он приезжал в наш университет порыться в старых книгах. Его отталкивающее лицо со спутанной сивой бородой вызывало отвращение. Умер он при достаточно необычных обстоятельствах.

Ирэн Бьюки рассказывала, что и Азенат частенько давала волю своим способностям: вызывала ветер или одним движением правой руки заставляла вить собак. Она могла предсказать будущее и была прекрасным гипнотизером: как-то на балу, по словам Ирэн, Азенат заставила одну девушку переселиться в ее тело, и та, глазами Азенат, смотрела на саму себя из другого конца зала.

Азенат уверяла, что мужское сознание обладает поистине космической мощью и желала, что родилась женщиной и что если бы она была мужжиной, то силой переросла бы своего отца.

Эдвард познакомился с Азенат на студенческой вечеринке и на следующий день говорил только о ней. Он высоко ценил ее знания, ее ум, а уж красота ее покорила моего друга навсегда. На протяжении нескольких последующих недель многие замечали пламенные взгляды, которые Эдвард бросал на девушку. Все сразу решили, что разница в возрасте между ними почти незаметна и, наверное, не будет помехой: мой друг, несмотря на некоторую склонность к полноте, выглядел для своих тридцати восьми совсем юным, а у Азенат были уже морщины вокруг глаз.

Мне вдруг нанес визит Дэрби-старший, отец Эдварда, которому "мальчик" на днях заявил, что немедленно желает жениться. Старый мистер Дэрби просил вмешаться, но что я мог сделать?

Свадьба состоялась через месяц, в мэрии, как того желала невеста, хотя в нашем штате Мэн обычно предпочитают венчание. Мистер Дэрби, а на этом настоял я, тоже присутствовал, была моя жена с сыном, а из гостей одни студенты, с которыми Эдвард общался в университетской библиотеке.

Азенат купила одиноко стоящий дом в Кроунингшилле, перевезла туда книги своего отца и троих слуг — очень древнюю супружескую чету и кухарку, от которой почему-то всегда пахло рыбой.

После свадьбы Эдвард неуловимо переменялся, стал более задумчивым, временами даже печальным, иногда говорил о каких-то опасных занятиях своей жены, но знаниям ее доверял и в чистоту ее помыслов верил.

Два следующих года мы виделись реже, знакомый звонок мог не раздаваться у моих дверей неделями, при встречах Эдвард говорил совсем мало и почти ничего о жене. Азенат как-то быстро старела и казалась уже старше своего мужа, временами они отправлялись путешест-

вывать, как объявляли, "в Европу", но Эдвард давал понять, что маршруты их были совсем иными.

Через год люди заметили перемену в поведении Эдварда: он вдруг начал совершать поступки, совершенно противоречащие своей природной несобранности. Ну, скажем, раньше он абсолютно не интересовался машинами, даже не знал, что и как расположено в автомобиле, а теперь раскатывал в громадном "паккарде" своей жены, причем настолько лихо и с холодной кровью, что становился очень похожим на Азенат или, вернее, на ее отца.

Азенат все старела, Эдвард — молодел. Люди, устав в конце концов обращать внимание на странности молодоженов, предоставили семью Дэрби самой себе. Покинули их и студенты.

На третьем году совместной жизни Эдвард стал делиться со мной своими опасениями: "дело зашло слишком далеко", говорил он и добавлял: "надо вернуть себе свое существо". Я сначала ничего не понимал, но потом, сопоставив все, что знал о гипнотической силе его жены, принял осторожно расспрашивать. Эдвард был благодарен мне за участие и пообещал поговорить со мной "о важных вещах".

Умер мистер Дэрби. Эдвард хотел перебраться в родной дом, однако Азенат пожелала остаться в Кроунингшильде.

Вскоре моя жена передала мне рассказ одной из своих приятельниц, из тех, кто еще заходил к Дэрби. Эта женщина однажды в воротах их дома разминулась с автомобилем, за рулем которого сидел Эдвард. Кухарка объявила, что дома никого нет, но в одном из окон библиотеки мелькнуло лицо Азенат. Странное дело: лицо Азенат, а глаза Эдварда...

ЭДВАРД стал чаще бывать у меня и рассказывал о таких вещах, что я начал всерьез беспокоиться о состоянии его здоровья. Он говорил о тайных сборищах на пустошах: о таинственных руинах в глубинах лесов штата Мэн; о лестницах, которые вели в ужасные пропасти; о лабиринтах с невидимыми стенами, через которые можно проникнуть в другие времена и пространства; об обменах личностями, позволяющих бывать в запретных местах и иных сферах бытия. Эдвард показывал удивительные предметы, ни цветом, ни формой, ни материей своей не похожие ни на что на свете. Временами мой друг вдруг умолкал, как будто кто-то заставлял его молчать, руководя его волей издали. Иногда ноги его "не вели ко мне" и поговорить со мной удавалось только тогда, когда "Азенат не была в своем теле".

Как-то осенью я получил телеграмму от шерифа из Чесанкука: его люди поймали в лесу какого-то сумасшедшего, и тот, на короткое время придя в память, назвал мое имя и адрес. Чесанкук лежит на самом краю большого и наименее изученного лесного массива штата Мэн, я затратил на дорогу целый день и застал Дэрби в камере. Несчастный метался между апатией и сильным и возбуждением. При виде меня он разразился потоком бессвязных фраз:

— Дэн!.. Ради бога!.. Яма с шоггогами... Ниже шести тысяч футов... Я не хотел туда, но она меня стащила вниз... Ийя! Шуб-Гигтурат! Фигура стояла над алтарем и было их, воющих, пятьсот... Кто-то звал: "Камог! Камог!" — и было это имя старого Эфраима... А минуту назад я сидел в своей библиотеке, запертый на ключ... Она, в моем теле, в проклятой яме, где начинается Царство Тьмы... Я видел шоггога, видел, как он меняет обличье... Как это страшно!.. Если она еще раз сделает так, я убью ее, собственными руками убью!..

Я долго успокаивал его, а потом купил ему кое-какую одежду и утром повез несчастного назад. К себе, в Кроунингшильд, он возвращаться не желал, и я решил поселить Эдварда у себя и помочь ему получить развод: дальнейшая жизнь с Азенат равнялась для моего друга самоубийству.

К вечеру, когда мы проезжали мимо Портленда, он снова заговорил о жене, о том, что она входит в его тело и когда-нибудь останется в нем навсегда. Хуже всего то, что она делает это все чаще и забирает его существо на гораздо большее время, зная, что мощный мозг и слабая воля мужа позволят ей навечно поселиться в его теле. Став великой колдуньей, Азенат оставит Эдварду свое теперешнее обличье, которое уже и женским-то назвать можно только с натяжкой. Да, говорил Эдвард, я могу многое рассказать о чудовищном договоре между жителями Иннсмута и вышедшими из моря дьяволами. Эфраим Уит знал тайну... Старая, он совершил омерзительную вещь... Хотел жить вечно... Азенат это удастся... Ей всегда все удастся...

Я искаса поглядывал на своего друга. Физически он окреп, но за психическое состояние его я бы не поручился.

— Дэн, Дэн, неужели ты не помнишь его диких глаз и его спутанной бороды? Он раз посмотрел на меня... Я никогда не забуду этот взгляд! А теперь Азенат смотрит на меня так же... И я знаю, почему! Я нашел в "Некрономиконе" формулу... Страницы не назову. Пока не назову, но ты поймешь, когда увидишь все сам. Азенат может вечно переходить из одного тела в другое. Жизненная энергия не исчезает со смертью... Послушай, Дэн... Ты знаешь, что моя жена пишет, наклон-

няя буквы влево? Знаешь, почему? Видел ли ты когда-нибудь рукописи старого Эфраима? И почему я смертельно испугался, увидев ее записи?..

Азенат... Существует ли она в действительности? Почему думали, что в желудке ее отца нашли яд? Почему Джимон, слуга, рассказывал, что старик кричал, как испуганный ребенок, когда она заперла его на глухом чердаке в нашем доме... Почему Эфраим был в ярости, когда у него родилась дочь, а не сын? Не сделал ли он с маленькой Азенат то, что теперь она хочет совершить со мной?.. Почему ее буквы так похожи на...

Эдвард внезапно вздрогнул, замер, по его лицу прошла волна судорог, все тело изогнулось в конвульсиях, и я от изумления, смешанного с непонятным отвращением, чуть не выпустил из рук руль: будто рядом со мной сидел не ближайший друг, а неведомый пришелец из другого мира.

Но все очень быстро кончилось. Эдвард пришел в себя и попросил уступить место за рулем. Когда мы пересаживались, я заметил в его глазах необычный блеск и подумал, что сейчас к Дэрби снизошла энергия воли, какую не раз замечали в нем люди.

Когда мы проезжали Бидфорд, уличные фонари осветили стиснутые губы Эдварда и его горящие глаза. Да, он вдруг действительно стал похож на свою жену и на старого Эфраима...

За городом Дэрби заговорил снова, но что-то случилось с его голосом: он стал решительнее, тверже, глубже. Интонации, с какими Эдвард произносил рубленые отточенные фразы, напомнили мне что-то из далекого прошлого...

— Извини и прости мне этот приступ. Жаль, стыдно. Я не всегда умею взять себя в руки. Да, спасибо, что довез до дома. Еще раз прости за те глупости, что я рассказывал о жене. Перетрудились, вот и результат. Какое-то время я буду отдыхать, но не подумай, вины Азенат в том нет никакой. Ты ждешь объяснений? Они просты. В лесах все еще много индейских тотемов, а меня они интересовали всегда. Автомобиль я где-то оставил, но не беда, пошлю за ним Джимона. Месяц отдыха — и я опять на ногах!

Уже не помню, отвечал я или нет: его поведение и тон совершенно сбили меня с толку. Я хотел только одного — быстрее приехать домой. На повороте, где дорога сворачивает налево, к побережью, я боялся, что Эдвард повернет, чтобы проехать через Иннсмут, однако он держал прямо, и к полуночи мы въехали в Кроунингшильд. В окнах старого дома горел свет, Эдвард вышел, еще раз поблагодарил меня, и я с облегчением уехал.

Вскоре Эдвард пришел ко мне, вернул книги, которые брал почитать, произнес несколько фраз, явно не желая долгого разговора, и быстро уехал на "паккарде". Только потом я вспомнил, что он не позвонил как обычно: три звонка, пауза и еще два раза...

В конце октября Эдвард уехал куда-то на неделю. В то самое время студенты говорили между собой о некоем жреце зловещего культа, объявившемся в Нью-Йорке. А я вспомнил дорогу от Чесанкука до Кроунингшильда — и не мог ничего понять. Тем временем слухи о семье Дэрби возобновились с новой силой: говорили в основном о рыданиях, раздающихся из их дома в Кроунингшильде. Рыдала Азенат. Голос звучал то громко, то как бы придушено, угасая. Говорили об этом даже шерифу, но в один прекрасный день Азенат появилась в городе, весело поговорила с несколькими знакомыми, объяснила как-то свое отсутствие и мимоходом вспомнила о приезжей приятельнице из Бостона, у которой "очень расстроены нервы". Но никто этой приятельницы и в глаза не видел, да и не только женский плач было слышно из дома Дэрби: дважды рыдал мужчина.

В первой половине ноября вечером в моем доме раздался знакомый звонок. На пороге стоял Эдвард, на лице которого отражались сразу и испуг, и триумф. Неуверенными шагами прошел он в мой кабинет, попросил стакан виски. И я стал ни о чем его расспрашивать. Он заговорил сам:

— Азенат уехала. Мы вчера долго разговаривали, и она обещала прекратить эксперименты надо мной. Конечно, она должна была рано или поздно признать свое поражение — я защищен той формулой, о которой тебе говорил. Она уступила мне, хотя и страшно разозлилась. Собрала чемоданы, села в бостонский поезд, а оттуда — в Нью-Йорк. Опять начнутся сплетни, но ты уж говори, что она уехала путешествовать. Я думаю, что развод получу, так или иначе, главное, она поклялась, что оставит меня в покое. Ох, Дэн, как это ужасно! У тебя забирают твоё тело, делают твоё сознание узником чужой плоти... И что бы я делал без формулы из "Некрономикона"!

Эдвард огляделся по сторонам и потянулся за новой порцией виски.

— Сегодня я рассчитал всех слуг. Ну и морoka была с ними — ни за что не хотели уходить и еще начали задавать вопросы. Мне пришлось их выгнать, но знал бы ты, как они зловеще смеялись, когда уходили из дома... Ты, наверно, думаешь, что я сошел с ума, но вспомни, пожалуйста, наше г утешестве. Ты же сам был свидетелем того, как

она выгнала меня из моего тела... Мгновение — и я вновь оказался в своей библиотеке, где меня всегда закрывали эти проклятые слуги. А в автомобиле ты сидел рядом с Азенат, неужели ты этого не почувствовал?

Конечно, я должен был почувствовать... Но разве может нормальный человек с обыкновенным здравым смыслом принять такое объяснение? А мой собеседник говорил дальше, с каждой минутой все оживленнее.

— Как она старалась заполучить меня, Дэн! И стала бы мной, наконец, а я навсегда — ею. Думаю... она убила бы меня потом, черт бы ее побрал!.. Как делала уже раньше... она или он... уже делал так...

Он вздрогнул и ближе наклонился ко мне:

— Я же намекал тебе! Это не Азенат, это старый Эфраим! Я давно заметил, что ее почерк похож на отцовский, а уж когда она говорила такие вещи, которые мог знать только он... Он переселился в нее, а потом отравил свое старое тело... Ты что, никогда не замечал души старого Эфраима в горящих глазах этой дьяволицы?

Эдвард замолк. Да, его место в лечебнице для душевнобольных, подумал тогда я. Может быть, когда рядом нет Азенат, он поправится?..

Эдвард поднял голову:

— А теперь мне надо отдохнуть. Позже я расскажу тебе массу интересного. О людях, обладающих знаниями, которых никто не должен знать и которые совершают такие дела, которых никто не должен делать. Нет, больше я в руки не возьму проклятые книги! Будь я библиотекарем, я бы сжег их все до единой! Вот скоро я перееду из того дома, и ничего, ничего со мной она уже не сделает! Поскорей бы переехать — я даже стен там боюсь!

Ночь Эдвард провел у меня. Утром мы говорили о планах его переезда в родительский дом, о наших будущих путешествиях.

В ГОРОДЕ, как всегда, сплетничали. Очень обеспокоил меня разговор с банкиром Мозесом о том, что Эдвард регулярно посылает денежные чеки Альфреду и Абигайл Саргент, а также Юнис Бобсон, живущим в Иннсмуте. Значит, его шантажируют, а он не говорит мне ни слова! Скорее бы лето, чтобы увезти Эдварда в Европу...

Здоровье у него улучшилось, но угрюмость и меланхолия все же иногда давали о себе знать. Отцовский дом Дэрби был почти подготовлен для нового жильца, и вдруг Эдвард охладил к переезду. Я продолжал настаивать, а он все оттягивал решение, назначал новые и новые сроки. Старый слуга его отца, состоящий теперь при Эдварде, рассказывал мне, как его хозяин слоняется по мрачным закоулкам Кроуингшильдского дома и часто заходит в подвал.

Под Рождество, когда мы сидели в моем кабинете и мирно разговаривали, Эдвард внезапно вскочил на ноги и стал кричать:

— Мой мозг! Господи, Дэн, что с моим мозгом?! Боже, она тянет меня к себе с того света... Бьет, царапается... О, дьяволица! Эфраим! Камо! Огонь, огонь везде... за телом, за жизнью, за землей!...

Я дал ему вина, усадил обратно в кресло. Он перестал сопротивляться, сразу увял, и мне пришлось близко наклониться к нему, чтобы расслышать, что он говорит:

— Она снова это пробует... Мне следовало бы догадаться... Нет на свете ни силы, которая могла бы остановить ее, ни расстояния, ничего. Она постоянно вселяется в меня, особенно ночью... Как все ужасно!

Он заснул в кресле. А наутро пропал. Я позвонил в Кроуингшильд, и слуга мне ответил, что хозяин бежит по библиотеке и у него температура.

Состояние Эдварда с того дня неуклонно ухудшалось. Я каждый день приезжал к нему и всегда заставал Эдварда бессильно сидящим в кресле в библиотеке и смотрящим незрячими глазами в потолок. Он словно к чему-то постоянно прислушивался.

Я долго разговаривал с его банкиром, доктором, адвокатом и мы, посоветовавшись, вызвали двух известных специалистов. Их первые же вопросы вызвали у Эдварда такой отчаянный припадок, что карета скорой помощи в тот же вечер отвезла Дэрби в лечебницу для умалишенных. Я приходил к нему раза два в неделю и не мог удержаться от слез, слыша его крики, шепот и беспрестанно повторяющиеся фразы: — Я должен был сделать это... Она овладевает мною там, внизу, в темноте... Спасите меня, мама, Дэн!..

Хотя врачи и не обещали хоть какого-то улучшения, я старался быть оптимистом. Как его опекун, я полностью подготовил для него отцовский дом, куда Дэрби мог бы вернуться в любую минуту. Что же касается дома в Кроуингшильде, то я ездил туда каждую неделю, но не знал, что с ним делать.

Все закончилось в феврале.

События ускорили — словно по иронии судьбы — надежда на выздоровление. По телефону из лечебницы мне сообщили, что Эдвард очнулся из забытья, почти ничего не помнит из прошлого, однако находится в полном рассудке.

Я радостно помчался в больницу, открыл дверь его палаты и... Ко мне подходил полный энергии Эдвард, протягивая с хорошо уже зна-

комой мне усмешкой руки. Я увидел горящие глаза, стиснутые в застывшей улыбке губы, услышал голос — ироничный, злой.

Он очень спокойно разговаривал со мной о своем близком возвращении домой, благодарил меня, просил сделать то-то и то-то. Я молчаливо кивал. Я был подавлен. Сидящий подле меня человек не был Эдвардом — да, вид Эдварда, но не сам Эдвард, которого я хорошо знал. А если не он, то кто же? Следует ли вернуть свободу этому человеку или стереть его с лица земли?

На следующий день ухудшения не наступило, и к вечеру от постоянных дум я совсем обессилел...

...В полночь раздался телефонный звонок. В трубке ничего не было слышно, но, прислушавшись, я разобрал какие-то приглушенные звуки, словно кто-то старался выдать из себя подобие слов.

— Кто? Кто говорит? — попытался я, а в ответ доносилось непонятное бульканье. Я позвонил на станцию и мне ответили, что вызов пришел из пустого дома в Кроунингшилле. Когда я, вызвав полицию, добрался до последнего прибежища Эдварда... Короче говоря, погреб был перевернут вверх ногами: на земляном полу следы ног, разбросанная одежда; странные отпечатки пальцев на телефонной трубке и — повсюду — отвратительный запах. Полицейские занялись поисками старых слуг, которые, по их мнению, могли таким странным образом отомстить мне, как другу и советчику их бывшего хозяина.

Но разве бывшие слуги Эдварда подделали бы его письмо? Да, многое теперь мне стало ясно, и, прежде всего, то, что существует потусторонний мир, а в нем чудовища, которых недобрый человек может вызвать в наш мир. Демон Эфраим-Азенат совершил это.

И утром, после ужасной ночи, в лечебнице я убил демона. Я знаю, силы зла иногда переживают собственную физическую оболочку, и никто не может спать спокойно, пока тело лже-Эдварда не будет сожжено. Я настаиваю на этом. Только огонь покончит с силами зла навсегда, или я стану их следующей жертвой. Эфраим, Азенат, Эдвард... Кто следующий? Я не хочу, чтобы меня выгнали из моего тела! Я не хочу обмениваться душой с продырявленным пулями трупом!

Я постараюсь сейчас рассказать подробнее о той последней ночи. Я не буду призывать тех свидетелей, которые видели около двух ночи возле моего дома смердящего карлика. Полиция им не верит — и оставим это. Меня тогда разбудил стук в дверь и звонок, на который нажимаю слабая, неуверенная рука. Старый наш сигнал: три коротких, пауза и еще два раза. Дэрби? Получивший назад свою душу? Убежал? Отпущен из лечебницы раньше срока? В два ночи? Набросив шлагфрок, я открыл дверь, и голова моя закружилась от смрада... Где Эдвард и кто этот карлик? На карлике было пальто моего друга. Полы волочили по земле, а подвернутые рукава полностью скрывали руки.

Шляпа на голове с опущенными полями, лицо, закрытое шерстяным шарфом. Карлик подал мне конверт. В свете лампы из прихожей я увидел знакомый почерк Эдварда. Карлик стоял на пороге, я читал письмо и со страхом думал, не проснулась ли жена.

"Дэн! Иди в больницу и убей создание, находящееся в моей палате. Это не Эдвард Дэрби, она все-таки добралась до меня, я мертв уже три с половиной месяца. Я обманул тебя, она не уехала. Я убил ее. Не мог иначе. Мы были одни, и я был в своем теле. Она умерла от удара по голове, и я закопал ее в погреб. Слуги догадывались, но что они могли сказать полиции? Правду о хозяйке? Я рассчитал их. Они тоже были приверженцами Культа, и одному богу известно, на что теперь они могут решиться.

Какое-то время я думал, что избавился от Азенат (Эфраима?), а ведь отлично знал, что душа живет до тех пор, пока существует тело: и пришла минута, когда я оказался в темноте, в гниющем ее теле, в глубине подвала. Мне в итоге удалось вырваться, но конец мой близок и говорить я уже не могу. Поэтому пишу.

Убей демона, если ты не желаешь зла этому миру! Проследи, чтобы тело его было сожжено! Иначе жить он будет вечно, переходя из одного тела в другое.

Прощай, Дэн! Ты был для меня настоящим другом и мне жаль, что я не могу обратиться с этой просьбой к кому-то другому.

Убей демона!..

Твой Эд."

Я потерял сознание, когда чудовищный карлик бесформенной массой упал на пол. Приехала полиция, врачи, меня положили в постель, но никто не отважился подойти к останкам, лежащим на пороге.

В одежде Эдварда — в его пальто, шарфе и шляпе — была ужасная, расплывающаяся субстанция, кости и разбитый твердым предметом череп. По зубным протезам узнали, что череп принадлежал Азенат.

Затем меня повезли в лечебницу.

Пер. С.Ашмарина

Джон Генри Риз

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЛОГИКА УБИЙСТВА

— Мне тошно снова говорить с ним, — сказал детектив Рич Хинкл. — С этим умником, я имею в виду молодого исследователя космоса, Дарвина Карлайла.

— С ним? — удивился детектив Джек Кунц. — Почему?
— Вся эта возня с космосом мне противна, так же, как все эти молодые яйцеголовые исследователи, — угрюмо проворчал Хинкл. — Запускать ракеты на Луну — это против закона природы!

— Ну, с Карлайлом все в порядке, — заметил Кунц.
— Неужели? Разве нормально для 24-летнего парня сидеть рядом с красивой девушкой и спокойно решать уравнения?

Кунц задумался.
— Я так не считаю. Мне нравится этот парень. А вот от кого меня трясет, так это от старого Мак-Кинстри.

— От священника?
— Я не выношу священников. Наверное, нечто сознательное, с детства. И там, где ты боишься науки, я боюсь религии или чего-то в этом роде.

— М-да, — вздохнул Хинкл, — ну и дельце. Особенно Дарвин Карлайл.

Как правило, детективы, расследующие убийства, не подвержены меланхолии. И эти два ветерана, превосходящие интеллектом многих своих коллег, не были исключением. Оба в свое время окончили колледжи, обоим было слегка за сорок. Они были партнерами по ночным сменам так долго, что стали похожи друг на друга, как пожилая супружеская пара.

Пробило полвторого ночи. Уже несколько часов они занимались расследованием убийства, которое, на первый взгляд, казалось достаточно простым. Прошлым вечером в Северном районе Лос-Анджелеса был убит мелкий грабитель, живший на вымогательство денег у букмекеров (лиц, принимающих денежные ставки при игре в тотализатор, в основном на бегах и скачках). Хинкл и Кунц допросили трех свидетелей и арестовали четырех мелких рэкетиров.

Все четверо арестованных были знакомы с убитым, все были способны на убийство, и у каждого имелись веские причины желать его смерти. Хинкл и Кунц были уверены, что убийца у них в руках, но они также были уверены, что никогда не смогут доказать его вину. Подозреваемые отказались давать показания — довольно глупая тактика, но в данном случае вполне эффективная, так как никаких улик против них у детективов не было.

Убийство было незначительным, однако, как и все люди в подобной ситуации, полицейские были раздосадованы. Находиться так близко к успеху и в итоге быть посрамленными четырьмя далеко не лучшими представителями рода человеческого — куда уж хуже!

Хинкл и Кунц даже думали одинаково, и если у одного было скверно на душе, то и у другого тоже. В комнате висело тягостное молчание. Сама комната была небольшой. В ней помещались только один стол и шесть стульев. Детективы достали из картотеки дополнительные материалы на подозреваемых — сообщения тайных осведомителей — но они не внесли ясности. Кунц подумал, что мало найдется мужей, знающих столько же о своих женах, сколько они с Хинклом знают о задержанных, и тут же напустился. Знания ничего не давали им.

— Может, закончим на этом, — вздохнул Хинкл. — Мы не имеем права задерживать свидетелей на ночь.

Кунц подошел к двери, открыл ее и сказал:

— Нам бы хотелось поговорить с вами еще раз, если вы не возражаете.

Первой вошла свидетельница Шелли Паркинсон, стройная брюнетка небольшого роста. У нее было такое невинное выражение лица, что, казалось, в комнате зажглась еще одна лампа. Ощущение уныния как будто растаяло. Оба детектива улыбнулись. Хинкл встал и пододвинул свидетельнице стул.

— Присяживайтесь, мисс Паркинсон. Хорошо, конечно, что вы согласились ждать так долго.

— Да мы не ждали все это время. Мы выходили попить кофе. В этом же нет ничего плохого? — спросила девушка. Ее большие карие глаза округлились, когда до нее дошло, что она поступила, может быть, неправильно.

— О, нет, все в порядке, — поспешно ответил Кунц, прежде чем его удивленный партнер успел открыть рот.

За девушкой в комнату зашел хорошо одетый мужчина с тяжелой гривой седых волос, с суровыми, но симпатичными чертами лица. Это был преподобный доктор Мак-Кинстри, священник, представитель сословия, которое так не любил детектив Кунц. Священник уселся напротив девушки и вздохнул как человек, который уже давно должен быть в постели.

Последним зашел коротко подстриженный блондин спортивного телосложения, в роговых очках. Казалось, его физическая привлекательность каким-то странным образом улетучилась под воздействием приятного интеллектуального тумана, в котором он пребывал. Карманы его были забиты скомканными листами бумаги, остро отточенными карандашами, в руках он вертел неизменную логарифмическую линейку. Он шел, ничего не видя перед собой, полусонной походкой человека, движения которого зависят скорее от изменения орбиты Венеры, чем от собственных ног.

Дарвин Карлайл имел богатую галерею университетских предков. Его отец преподавал физику, а мать геологию в Колумбийском университете. Сам он учился на последнем курсе Калифорнийского технологического института, где занимался разработкой системы управления космических аппаратов, описывая их в статьях, которые могли понимать без справочника не более десятка людей во всем мире.

— Отличная комната, — сказал Дарвин, посмотрев на пустые стены, жалкую мебель и потолок с еле-еле светящейся люстрой. — Ничто не отвлекает внимание, правда? Комната для размышлений.

Мак-Кинстри сердито отвернулся. Эти три свидетеля находились вместе более четырех часов — вполне достаточно времени, чтобы интерпланетная сущность молодого человека пришла в жестокое столкновение со стойким фундаментализмом старого священника. Ясно, что Хинкл был не единственным человеком, который не мог на дух переносить Карлайла.

Дарвин сел рядом с Шелли. Она положила руку на его плечо, жест — в одинаковой степени — доверяющий и властвующий. Жест этот говорил, что девушка доверяет своему избраннику защищать ее от тигров, бандитов и коммивояжеров, но в то же время при необходимости готова вытерпеть ему нос.

— Извините, что мы заставили вас ждать так долго, — сказал Кунц. — Мы надеялись, что вы сможете вспомнить что-нибудь, что ускользнуло во время нашего первого разговора.

— Нам очень нужна ваша помощь, — сказал Хинкл.

— Но послушайте! — воскликнула Шелли. — Вы же поймали тех четверых, которые вам так были нужны?

— Да, — хмуро ответил Кунц, — все они были арестованы различными подразделениями нашего отдела в течение часа после убийства. Они находились в разных частях города, однако не так далеко, чтобы не могли оказаться на месте преступления в то время, когда произошло убийство.

— Но если вы арестовали убийцу, то как же мы-то можем помочь?

Хинкл объяснил:

— У всех четверых есть алиби, мисс Паркинсон. Не полностью безупречные, уверен, но все четверо начали игру в молчанку и теперь да-

же не сознаются, сколько сейчас времени. Это не единственное дело, над которым работает наш отдел, и издательник не позволит расхотеть в это время и людей, чтобы доказать ложь двух или более подозреваемых, так же, как и ложь свидетелей их алиби.

— Теперь понимаю, — произнесла девушка.

— Что вы имеете в виду под словом "доказать"? Этот термин нуждается в более точном определении, — заметил Дарвин.

Хинкл свирепо посмотрел на него:

— Да? И каким же образом?

— Ну, я могу "доказать" вам скорость света, применив метод аналогов, так как вы принимаете мои доводы. Но как я смогу "доказать" ее дикарю в джунглях? И наоборот, я смогу "доказать" дикарю, что он мне должен отдать долг, просто ударив его по башке. Он принимает логику грубой силы, в то время как вы, конечно, потребуете обоснований.

Наступила минута тяжелой тишины. Шелли смотрела свысока, Кунц выглядел озабоченным, а Хинкл и Мак-Кинстри, казалось, считали про себя до десяти.

— Мне знакома такая точка зрения, — отметил Мак-Кинстри. — Точная цитата — "Пилат сказал ему: Что есть истина?" Но придет время, молодой человек, когда все мы поймем, что чем больше спорим, тем дальше удаляемся от нее.

— Я вовсе не хочу ни с кем спорить, сэр, — парировал Дарвин.

— Почему бы тогда просто не послушать, — резко заявил священник. — Я тоже могу "доказать", что небесный свод является не только тиром для юных выскочек из Калифорнийского технологического, но в данный момент эти офицеры просят нас помочь им в расследовании убийства.

— Нам надо "доказать" присяжным все абсолютно обоснованно, Дарвин, — объяснил Кунц. — Давайте-ка еще разок пройдемся по обстоятельствам дела.

Поливало, как из ведра, когда в 19 часов 54 минуты Руди Ламберг, он же Уолтер Лейн, он же Рудольф Уолтерс, но более известный как Шнобель Финк, нашел свою смерть. По сообщениям осведомителей, Шнобель, в соответствии с собственным кодексом чести, смерть заслужил. Две недели назад он вытребовал сто долларов у некоей Альбины Уотен, женщины-букмекера, под угрозой налить ей в уши кислоту. Желая успокоиться, Альбина проглотила изрядное количество водки и была сбита на улице пятитонным грузовиком. На ее похоронах присутствовало четыре человека.

Одним из них был ее брат Мики Бойс, отчаянный громил с психическими отклонениями. Другим — шеф ее шайки Ред Пиарсон, главный букмекер Северной стороны. Третьим — ее дружок Стенли Манло, заведующий кегельбаном и патологический трус, который даже спал с ножом под подушкой. Четвертым был Сид Филет, в чьем киоске на улице Норт Фигуро слегка приторговывал и марихуаной. Горе Сиды, наверное, было самым серьезным, потому что Альбина ушла из жизни, оставаясь ему должна. Четырех более непривлекательных типов, чем Бойс, Пиарсон, Манло и Филет, вряд ли можно отыскать на белом свете, но приличные люди редко совершают заранее подготовленное убийство, а если все-таки совершают, то продумывают его настолько тщательно, что у полицейских сразу же возникает зацепки. По ним-то и находят убийцу. А чем глупее убийство, тем труднее подыскать к нему ключ.

Шнобелю отомстили, когда он работал в непривычном для себя качестве разносчика у хозяина последнего дома на улице Френчик Уэй, улицы, заканчивающейся тупиком, длиной всего в один квартал.

И в дождь и солнце Мак-Кинстри, живущий в доме N 4772 на Френчик Уэй, неизменно прогуливался по вечерам. В тот раз шел сильный дождь, и священник уже решил возвращаться домой, когда на другой стороне улицы увидел пешехода, в котором узнал нового работника своего слада.

Священник был уверен, что больше никого на улице нет. Разносчик куда-то спешил. Мак-Кинстри свернул на дорожку, ведущую к дому. Он успел сделать лишь несколько шагов и тут услышал выстрелы — два или три. Криков ужаса и боли не последовало — вообще никаких звуков, кроме этих выстрелов и яростного шума дождя. Мак-Кинстри моментально понял, что произошло нечто ужасное. Он замер, наполовину парализованный от страха. Затем заработал двигатель. Темный силуэт автомашины проскользнул мимо него.

— Вероятно, она была припаркована в конце улицы. Ее фары не зажглись, пока она не повернула за угол. Автомобиль проехал в полуметре от меня, но я даже не могу сказать, сколько людей было в нем. Но у меня такое ощущение, что там было больше одного человека, — сказал старый священник. — Я сделал попытку сосредоточиться, попытался заставить себя запомнить номер машины. Я чувствовал, что это будет важно для властей, но то ли было слишком темно, то ли я проявил недостаточное внимания.

— Вы не могли бы сказать хоть что-нибудь о номере, одну цифру или букву? — с надеждой в голосе спросил Кунц.

— Нет. Я помню только ужасный рев двигателя. Я подумал, что это будет таким, как у льва, и будут они рвать, и я ждал. Затем мой разум отключился.

Хинкл вздохнул.

— Мы не виним вас, сэр. А не припомните, какой модели была машина?

— Знаете, — удрученно сказал Мак-Кинстри. — Я вообще не различаю моделей, для меня все машины на одно лицо.

Кунц посмотрел на Шелли.

— Вы видели машину. Как вы думаете, смогли бы вы узнать ее сейчас, вспомнив все как следует?

Девушка пришла в замешательство.

— Нет, сэр. Мне кажется, это была старая модель. Знаете, из тех, на которых еще стоят отбегатели по бокам. И, кажется, я помню ее цвет — темно-серый. Такой цвет получается, когда за машиной плохо присматривают.

— Коррозия, — пробормотал Дарвин.

— Я это отмечу, — холодно произнес Хинкл. — Итак, вы вдвоем стояли на крыльце.

— Да, сэр. Я стояла лицом к улице, а Дарвин лицом к дому. Поэтому он не видел столько, сколько я, — ответила Шелли.

— Однако же он знает, что это была коррозия, — вставил Хинкл. — Могли ли вы спросить вас, почему вы смотрели на улицу, а он нет, или я не в праве задавать подобные вопросы?

— Он... он целовал меня, — призналась Шелли. — Но разве это надо заносить в протокол?

— Конечно, нет, — ответил Кунц. — Не вспомните ли вы, сколько было выстрелов?

— Нет, сэр, может, два, нет, три или четыре.

— А сколько человек было в машине?

— У меня четкое впечатление, что не один.

— У вас такое же впечатление, как и у священника. Несколько выстрелов подряд говорят о том, что в убийстве участвовал не один человек, — произнес Хинкл. — Другими словами, вы не можете добавить что-нибудь существенное к тому, что уже рассказали?

Все трое свидетелей отрицательно помотали головами. Дарвин Карлайл сказал: "А как насчет машин задержанных? Хоть у одного из них есть машина старой модели?"

— Ни у кого из них вообще нет никаких машин, — резко сказал Хинкл. — Ни ржавых, никаких. Они обдурили нас и сейчас посмеиваются. Вот что больше всего бесит меня!..

В крохотной комнатке стало тихо. Часы хрипло пробили два. Мак-Кинстри извиняющимся голосом проговорил:

— Мне очень жаль. Похоже, мы зашли в тупик, не так ли?

— Это не ваша вина, — ответил Хинкл. — По крайней мере, в одном мы уверены — убийство совершил не один человек! Но сколько их было: два, три, четыре?

— И никто из них не заговорит? — поинтересовался Дарвин.

Кунц усмехнулся.

— Мы кое-что получили от Реда Пиарсона, когда поочередно сводили его с Сидом Филетом и Миком Бойсом. Но Ред не из тех, кому можно доверять даже в этих обстоятельствах.

— Особенно вкупе с теми двумя, — заметил Хинкл. — Ред не рискует оставаться один на один с ними, опасаясь получить нож в спину. Поэтому он так долго и управлялся с букмекерами Северной стороны, что никогда не позволял себе оказаться между Бойсом и Филетом.

— Какие они противные! — воскликнула Шелли. — Я даже не представляла, что такие типы существуют.

— У них презумпция невиновности, — сказал Хинкл. — То, что они занимают своими темными делишками вместе, отнюдь не означает, что они приятели. Мы имеем дело с ворами, которые ненавидят все и вся, особенно друг друга. Объединить их может только взаимная ненависть.

Девушку передернуло.

— Я просто не могу представить, чтобы люди жили такой жизнью. Просто не могу, — тихо произнесла Шелли.

Кунц хмыкнул.

— Мисс, если бы на свете не существовало подобных экземпляров, мы с Хинклом оказались бы безработными. Давайте-ка я расскажу кое-что о них. Возьмем, к примеру, Мики Бойса. Ту радость, что вы получаете, смотря телевизор, Мики получает, словая кому-нибудь руку. Однажды мне пришлось наблюдать Стенли Манло, который средь бела дня неся по улице во все лопатки, чтобы только не встретиться с Мики. Стенли приходит в ужас от одного вида этого громилы. Мики из тех, кому нравится мучить людей. Он боится только Реда Пиарсона, единственного человека на земле.

— Ред угрожал убить его, — сказал Хинкл, — и в один прекрасный день он так и поступит, и Мики это отлично известно.

— Этот Пиарсон, похоже, сильная, доминирующая над другими личность, — отметил Мак-Кинстри.

— Да, — подтвердил Хинкл. — Но только не над Альбиной Уотен. Как-то она призналась мне, что Ред предупредил ее, чтобы она порвала со Стенли Манло, так как нельзя полагаться на труса. Но она любила этого типа. В итоге Ред оказался прав. Наверняка Стена не была рядом с ней, когда Шнобель отбирал у нее деньги.

Снова небольшая дрожь пробежала по изыщному телу девушки, в ее карих глазах отражалось восхищение, когда она перебрасывала взгляд с одного детектива на другого. Это смягчило Кунца.

— Или возьмем "благородного" мелкого бизнесмена Сида Филета. Ну и жизнью он живет! Сид так часто грабили в его задрипанном киоске, и кто — его друзья! — что он выработал для себя правило никогда не оставлять один на один с кем-нибудь из них. Его прозвали "свидетелем", так как он хочет иметь свидетеля на все случаи жизни. Даже когда мы допрашивали его, то допрашивали вдвоем. Как вам это нравится?

— Невероятно! — воскликнула девушка.

— Для вас, может быть, — сказал Хинкл, — или для суда присяжных. Но не для любого, кто знаком с этими типами. Они далеко не акулы преступного мира, так, мелочь. Но это отнюдь не означает, что им позволено делать из нас дураков.

— Если бы мы только знали номер машины! — промолвил Кунц.

— Да? — спросил Дарвин. — Вам он так нужен?

Он весело прищурился сквозь роговые очки. Оба детектива выглядели обескураженными и чрезвычайно усталыми. Даже Кунц слегка покраснел, а Хинкл, хотя едва сдерживал свои чувства, все же ответил излишне любезно: "А как же иначе мы свяжем этих типов с убийством, а, парень?"

— Мне кажется, вы это уже сделали, — ответил Дарвин.

— Неужели? — саркастически спросил Кунц.

— Конечно. Давайте, я покажу вам.

Дарвин вынул из одного кармана карандаш, из другого листок бумаги, и начал что-то быстро писать. Через минуту он дал листок Хинклу. Кунц быстро встал за спину партнера, чтобы прочитать написанное Дарвином. Оба детектива уставились на бумагу.

$БП+БМ+БФ+ПМ+ПФ+МФ+БПМ+БПФ+БМФ+ПФМ+БПМФ \neq 0$

$БП = 0$

$БМ+БФ+ПМ+ПФ+МФ+БПМ+БПФ+БМФ+ПФМ+БПМФ \neq 0$

$ПМ+БПМ+ПМФ+БПМФ = 0$

$БМ+БФ+ПФ+МФ+БПФ+БМФ \neq 0$

$БПФ = 0$

$БМ+БФ+ПФ+МФ+БМФ \neq 0$

$БМ = 0$

$БФ+ПФ+МФ+БМФ \neq 0$

$БФ+ПФ+МФ = 0$

$БМФ \neq 0$

Кунц забылся и рывкнул:

— Что это, черт побери, рецепт что-ли?

— Это система уравнений символической логики, — пояснил Дарвин, — или неравенства; наиболее простой способ расправиться с такой легкой задачей.

— А что такое "символическая логика"? — хрипло спросил Хинкл.

— Способ решения задач с помощью алгебры.

— Вы так делаете, когда запускаете ракеты на Луну? — поинтересовался Хинкл. Его глаза опасно блеснули.

— Он используется при конструировании всех сложных цепей, в том числе и в системах наведения ракет.

— Ну-ка, погоди, Рич. Пусть он закончит! — взмолился Кунц. — Что мы теряем?

Хинкл сел. Дарвин протянул руку и взял листок обратно. Шелли гордо сияла. Кунц и Хинкл наклонились над столом. Даже Мак-Кинстри проявил некоторый интерес.

— Мы знаем, что с данными четырьмя факторами возможно шестнадцать комбинаций, включая варианты "один" и "ноль" — начал объяснять Дарвин. — Мы можем исключить "единицы", так как Шелли и Мак-Кинстри уверены, что в машине было больше одного человека. Мы можем, конечно, исключить также и "ноли", так как кто-то был там, чтобы совершить убийство. Теперь у нас остается только одиннадцать комбинаций. И, используя буквы для обозначения ваших типов — "Б" — для Бойса, "П" — для Пиарсона, "М" — для Манло, "Ф" — для Филета, — мы запишем их в нашем первом уравнении таким способом:

$БП+БМ+БФ+ПМ+ПФ+МФ+БПМ+БПФ+БМФ+ПФМ+БПМФ \neq 0$

Преступление совершила одна комбинация из одиннадцати возможных. Поэтому мы и проводим черточку через знак равенства, что означает "не равно" или даже "не верно". Давайте теперь рассмотрим подозреваемых по очереди. Вы сказали, что Бойс так боится Пиарсона, что никогда не останется с ним наедине. Поэтому в комбинации "Бойс—Пиарсон" Бойс принимает отрицательное значение. Чтобы

показать это, мы рисуем над ним черточку. Пишем отдельно такое уравнение:

$БП = 0$

Здесь мы употребляем знак равенства, потому что наше утверждение верно. Убрав эту комбинацию, как невозможную, мы получаем следующее уравнение:

$БМ + БФ + ПМ + ПФ + МФ + БПМ + БПФ + БМФ + ПМФ + БПМФ \neq 0$

Теперь давайте рассмотрим Пиарсона. Он не доверял трусу Манло до такой степени, что вряд ли стал бы участвовать в убийстве вместе с ним. Таким образом, во всех комбинациях, где появляются оба "П" и "М", "П" должно быть отрицательной величиной. Тогда запишем эти комбинации, употребив, как мы успели заметить, знак равенства, чтобы показать, что уравнение правильно:

$ПМ + БПМ + ПМФ + БПМФ = 0$

Сейчас от нашего первого уравнения остается:

$БМ + БФ + ПФ + МФ + БПФ + БМФ \neq 0$

Но вы говорите, что Пиарсон никогда не останется с Бойсом и Филетом, боясь получить нож в спину. Пойдет ли он на убийство вместе с ними, притом вооруженными? Едва ли! Поэтому мы запишем комбинацию "Бойс—Пиарсон—Филет" как верную с отрицательным значением "П" и знаком равенства:

$БПФ = 0$

Теперь у нас от первоначального уравнения остается:

$БМ + БФ + ПФ + МФ + БМФ \neq 0$

Но Манло, как вы говорите, бежит во все лопатки даже при виде Бойса. Естественно, он никогда не станет помогать ему в убийстве, если не будет кого-нибудь еще, чтобы защитить его. Поэтому мы пишем комбинацию "Бойс—Манло" с отрицательным значением "М" и знаком равенства:

$БМ = 0$

Остаются только эти комбинации:

$БФ + ПФ + МФ + БМФ \neq 0$

Но вы утверждаете, что Филет так боится своих дружков, что у него есть правило никогда не оставаться один на один с любым из них. Поэтому во всех двучленных комбинациях, где появляется Филет, мы должны использовать отрицательное значение "Ф" и знак равенства:

$БФ + ПФ + МФ = 0$

Это дает нам из всех первоначальных одиннадцати комбинаций только БМФ. Только эта часть уравнения по-настоящему верна, и только она единственная может соответствовать действительности. Все остальные комбинации отпадают, а значит Бойс, Манло и Филет убивали ВМЕСТЕ. Ни один из них не может отрицать свою вину!

— И это вы называете доказательством? — Хинкл закашлялся. — Что же вы еще выдумаете, парни из Калифорнийского технологического?

— Не мы это придумали. Символическая логика была изобретена, если, конечно, можно употребить этот термин, в 1847 году английским математиком Джорджем Булем, который наверняка перевернулся бы в гробу, увидев, каким образом я упростил его систему. Ее частенько называют алгеброй Буля, и она используется учеными-логиками и математиками уже более века, — сказал Дарвин.

— Но что есть век в истории человечества? — возмущенно заявил Мак-Кинстри. — Люди не цифры и не буквы! Одна беда с вами, учеными, вы сводите сущность человека к простым количественным символам.

— Не количественным, сэр, а относительным, — опровергнул Дарвин. — Буквы "Б", "П", "М" и "Ф" представляют собой не людей, а только узкие характеристики, которые делают возможным или невозможным для них оказаться в определенное время в определенном месте для определенной цели — совершения убийства.

— Я не могу поверить в это! — Священник покачал седой головой. — Человеческие сущности гораздо сложнее, чем эта... абракадабра!

Кунц взял листок.

— Не уверен, сэр, — задумчиво произнес он. — Они довольно примитивные представители рода человеческого. Я не понимаю все эти иероглифы, но, даю слово, я разбираюсь во всем этом жулье.

Шелли тоже ничего не поняла, но ее вера в Дарвина оставалась непоколебимой.

— Ученые мужи в Калифорнийском технологическом то и дело пытаются запутать Дарвина, но это им никогда не удается, — заметила девушка. — Почему бы вам не попросить их проверить расчеты на компьютере? Держу пари, вы убедитесь, что Дарвин прав!

— К сожалению, мисс, у суда присяжных нет компьютеров, — мрачно возразил Хинкл. Он ударил кулаком по столу. — Нет, мы должны найти машину!

— Если та информация, которую вы мне предоставили о подозреваемых, точна, то тогда мои символы действительны, мои уравнения

справедливы и мои выводы неизбежны, — заявил Дарвин. — Однако у меня есть кое-какие мысли и о машине.

Он что-то написал на другом листке бумаги и передал его через стол Мак-Кинстри.

— Пожалуйста, взгляните, сэр. Одновременно попытайтесь вспомнить тот момент, когда вы слышали выстрелы и увидели машину, и посмотрим, не вспомните ли вы еще что-нибудь.

Кунц и Хинкл склонились над столом и увидели слоги и цифры, напоминающие калифорнийские автомобильные номера: ЛОВ 538, ХЛЕ 886, ДЖИ К 213, ИСА 529, СРП 471, МОИ 398, ДСХ 935.

Старый священник неохотно взял листок. Кунц и Хинкл видели, как он пробежал глазами по бумаге, отложил ее, нахмурившись, затем снова резко схватил листок. Они видели, как Мак-Кинстри смотрел на номера. Потом он вдруг поблдевел.

— Вот этот номер машины! — вскрикнул он. — Четвертый на листке. Я буквально вижу его!

Но Кунц и Хинкл уже выхватили листок из его рук и выскочили из комнаты. Они вернулись через три минуты — как раз столько времени нужно, чтобы проверить номер в автомобильном отделе полиции Калифорнии. Оба выглядели изумленными.

— Это старая голубая машина, зарегистрированная на имя сестры владельца дома, в котором жил Сид Филет, — объявил Кунц. — Сид от этого не отвертится, и, я гарантирую, те двое тоже!

Хинкл посмотрел на Карлайла почти что со страхом.

— Но только не вздумайте снова показывать нам уравнения! — проворчал он. Если я опять увижу сегодня символы этой логики, я точно чокнусь.

— Здесь отнюдь не символическая логика, сэр, — произнес Дарвин. — Мак-Кинстри дважды цитировал Священное Писание. Строка о Пилате точно подходила к предмету нашего разговора, но я попрошу прощения, если скажу, что другая его цитата была несколько не к месту. Помните, он говорил, что звук двигателя машины заставил его подумать о ревущих львах. К сожалению, чтобы разобраться, нам опять необходимо использовать точные определения. Двигатель РЕВЕЛ, но не как лев. Эти два звука не имеют ничего общего, и один не может быть похожим на другой. Почему же тогда Мак-Кинстри вспомнил столь неподходящий отрывок? Могло ли быть так, что он сделал усилие, чтобы запомнить точно эти строки? Если да, то почему? Большинство из нас, когда требуется запомнить что-нибудь вроде телефонного номера или адреса, стараются связать его с чем-то уже знакомым. Когда я познакомился с Шелли, то долгое время напоминал себе о серебре и иттербии, так как у них соответственно 47 и 70 номер в периодической системе элементов. Таким способом я мог запомнить, что она живет в доме 4770 на Френчик Уэй. Вы следите за моими рассуждениями?

— О да, конечно, — ответил Хинкл, тяжело слотнув. — Серебро это было, да? Конечно, каждый может так делать!

— Я думаю, — продолжал Дарвин, — что Мак-Кинстри, будучи умным, совестливым человеком, пытался запомнить номер машины, связав его с чем-нибудь знакомым — в данном случае с пятой главой и двадцатым стихом книги пророка Исайи. Таким образом он впоследствии связал стих с его содержанием в большей степени, чем с номером, который был бы написан как ИСА 529.

— Откуда у вас такие познания в Библии? — спросил Мак-Кинстри.

— Мой дедушка, который преподавал философию в Гарвардском университете, дал мне сто долларов за то, что я выучил наизусть книгу пророка Исайи, когда мне было шестнадцать лет. Это очень хороший справочный материал для ученого. К примеру, в шестьдесят пятой главе...

— Идите домой, — приказал Кунц. — Все идите домой.

Он только что вспомнил, почему ему противны священники. Это каким-то образом могло быть связано с тем случаем, когда он нечестно выиграл фотоаппарат в воскресной церковной школе — написав строчки из Библии на манжетах, вместо того, чтобы заучить их наизусть.

Теперь до конца своей жизни Кунц будет чувствовать себя мошенником; так же, как Хинкл будет ощущать себя в какой-то степени глупцом. Но небольшое унижение полезно для всех нас, и, наверное, оно помогло двум детективам, когда они стали допрашивать Реда Пиарсона вновь.

Как только Ред понял, что на него не пытаются навесить убийство, которое он не совершал, он с охотой пошел на сотрудничество. После этого легко добились признания у труса Манло.

Было уже раннее утро, когда детективы вышли наконец из здания полицейского участка, полностью завершив это запутанное дело.

Пер. Ник. Щитова

призрак

Художник Т.Злоказова

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Объединения Бен Холлидей чуть не свалился с кресла. Щеки его посерели, челюсть отвисла, а суровые голубые глаза за контактными линзами потеряли свою обычную пронзительность и стали просто глухими. Он медленно крутнулся на кресле и уставился на Нью-Йоркские небоскребы, словно желая убедиться, что живет в двадцать первом веке — золотом веке науки.

Никакой ведьмы на метле за окном не было.

Несколько приободрившись, Холлидей повернулся к своему собеседнику, седовласому человеку, сидевшему по другую сторону стола. Доктор Элтон Форд не походил на Калиостро, он выглядел тем, кем был на самом деле: величайшим из психологов.

— Что вы сказали? — неуверенно спросил Холлидей.

Форд соединил кончики пальцев и склонил голову.

— Вы же слышали. Все дело в призраках. Вашу антарктическую станцию захватил призрак.

— Вы шутите. — В голосе Холлидея звучала надежда.

— Я представляю вам свою теорию в наиболее упрощенной форме. Разумеется, я не могу ничего доказать без исследований на месте.

— Призраки!

Тень улыбки скользнула по губам Форда:

— Без белых простыней и звенящих цепей. Этот тип призрака не противоречит логике, мистер Холлидей, и не имеет ничего общего с суевериями. Он мог появиться только в век науки, а для замка Отранто был бы абсурдом. В наши дни вы, со своими интеграторами, предложили призракам новые пути. Боюсь, если ничего не предпринять, после первого появления следующие. Я верю в то, что сумею поправить дело и сейчас, но доказать это могу только эмпирически. Я должен уничтожить призрака не с помощью колокольчика, Библии и свечи, а психологическим воздействием.

Холлидей никак не мог прийти в себя.

— Вы верите в духов?

— Со вчерашнего дня я верю в особый вид духов. В принципе, явление это не имеет ничего общего с нечистой из фольклора, однако симптомы те же самые.

— Не понимаю.

— В эпоху волшебства ведьма варила в котле травы, добавляла пару жаб и летучих мышей и этой микстурой лечила сердечные недуги. Сегодня мы оставляем фауну в покое и лечим наперстянкой.

Обалдевший Холлидей покачал головой.

— Мистер Форд, признаться, я не знаю, что вам ответить. Должны иметься причины для таких утверждений.

— Уверяю вас, они есть.

— Но...

— Пожалуйста, послушайте, — медленно сказал Форд. — С тех пор, как умер Бронсон, вы не можете удержать на своей антарктической станции ни одного оператора. Этот парень — Ларри Крокетт — высидел дольше остальных, но и у него проявляются определенные симптомы. Тупая, безнадежная депрессия, полная инертность.

— Но ведь эта станция — один из главных научных центров мира. Призраки в таком месте?

— Мы имеем дело с совершенно новым видом призрака, — объяснил Форд. — И в то же время с одним из самых старых. И опаснейшим. Современная наука завершила сегодня полный круг и создала призраков. Мне не остается ничего иного, как отправиться в Антарктиду и попытаться изгнать дьявола.

— О, Боже! — сказал Холлидей.

ГЛАВНЫМ помещением станции был огромный подземный зал, называемый безо всякого уважения Черепом и словно перенесенный сюда из древней истории. С высоким сводом и совершенно пустой, если не считать двойного ряда мощных колонн вдоль стен. Колонны были сделаны из белой пластмассы, стояли каждая отдельно и

достигали в высоту двадцать футов, а в диаметре шесть. Внутри колонн находились радиоатомные мозги, усовершенствованные Объединением. Интеграторы.

Они изготовлялись на основе электронных машин, действующих со скоростью света, однако определение "робот" к ним не подходило. Ученые разработали элементы, составляющие мозг мыслящего существа, создали их эквиваленты большей мощности и получили чуткие, идеально функционирующие организмы с фантастически высоким показателем интеллекта. Их можно было использовать поодиночке или все вместе, причем возможности увеличивались пропорционально.

Главным достоинством интеграторов была эффективность. Они могли отвечать на вопросы, могли решать сложные задачи. Определение орбиты метеорита занимало у них секунды, тогда как опытному астроному для получения того же ответа требовались недели. В быстротечном 2030 году время было бесценно. Последние пять лет показали, что интеграторы — тоже.

Тридцать белых колонн взымались в Черепе, а их радиоатомные мозги работали с пугающей точностью. Они никогда не совершали ошибок.

Это были разумы, чуткие, могучие.

Ларри Крокетт, высокий краснолицый черноволосый ирландец, с взрывным темпераментом, сидел за обедом напротив доктора Форда и тупо смотрел на десерт, появившийся из автомата.

— Вы меня слышали, Крокетт?

— Что? А да... Ничего особенного, просто я паршиво себя чувствую.

— После смерти Бронсона на этой должности поменялись шесть человек и все чувствовали себя паршиво.

— Ну... здесь так одиноко, в коробке под этим льдом...

— Раньше на других станциях тоже жили одиноко. И вы в том числе.

Пожатие плеч Крокетта выражало смертельную усталость.

— Откуда мне знать, мэжет, я тоже уволюсь.

— Вы... боитесь здесь оставаться?

— Нет. Здесь нечего бояться.

— Даже призраков?

— Призраков? Пожалуй, несколько штук оживили бы обстановку. — До прихода сюда у вас были честолюбивые намерения. Вы планировали жениться, добивались повышения.

— Да-а.

— И что случилось? Это перестало вас интересовать?

— Можно сказать и так, — согласился Крокетт. — Я не вижу смысла... ни в чем.

— А ведь вы здоровы, об этом говорят тесты. Здесь, в этом месте царит черная, глубокая депрессия, я сам ее ощущаю. — Форд замолчал. Усталость, таившаяся в уголках его мозга, медленно выбиралась наружу, словно ленивый язык ледника. Он осмотрелся. Станция была светлой, современной и спокойной, и все же это не помогало.

Они вернулись к теме разговора.

— Я осмотрел интеграторы, они во всех отношениях очень интересные.

Крокетт не ответил, тупо глядя на чашку кофе.

— Во всех отношениях, — повторил Форд. — Кстати, вы знаете, что случилось с Бронсоном?

— Конечно. Он спятил и покончил с собой.

— Здесь.

— Точно. Ну и что?

— Остался его дух, — сказал Форд.

Крокетт уставился на него, потом откинулся на спинку стула, не зная, смеяться ему или нет.

— Значит, не у одного Бронсона не все дома, — заметил он.

Форд широко улыбнулся.

— Спустимся вниз, посмотрим интеграторы.

Крокетт заглянул в глаза психологу с едва заметным выражением неприязни и нервно забарабанил пальцами по столу.

— Вниз? Зачем?

— Вы что-то имеете против?

— Черт возьми, нет, — ответил Крокетт. — Только...
 — Воздействие там сильнее, — подсказал Форд. — Депрессия усиливается, когда вы оказываетесь рядом с интеграторами. Верно?
 — Да, — буркнул Крокетт. — И что с того?
 — Все неприятности идут от них. Это очевидно.
 — Они действуют безукоризненно — мы вводим вопросы и получаем правильные ответы.
 — Я говорю не об интеллекте, — возразил Форд. — Только о чувствах.

Крокетт сухо рассмеялся.
 — У этих чертовых машин нет никаких чувств.
 — Собственных нет, поскольку они не могут творить. Их возможности не выходят за рамки программы. Но послушайте, Крокетт, вы работаете со сверхсложной мыслящей машиной, с радиоатомным мозгом, который должен быть чутким и восприимчивым. Это обязательное условие. А вы можете создавать тридцатиэлементный комплекс потому, что находитесь в точке равновесия магнитных линий.

— Вот как?
 — Что случится, если вы поднесете магнит к компасу? Компас начнет действовать по закону магнетизма. Интеграторы действуют... по какому-то другому принципу. И они невероятно точно выверены — состояние идеального равновесия.

— Вы хотите сказать, они спят? — спросил Крокетт.
 — Это было бы слишком просто, — ответил Форд. — Для безумия характерны изменчивые состояния. Мозги же в интеграторах уравновешены, стабилизированы в неких границах. Но они восприимчивы — ибо просто обязаны быть такими — к одной вещи. Их сила в то же время слабость.

— Значит...
 — Вам случалось бывать в обществе психически больного человека? — спросил Форд. — Уверен, что нет. Это производит некоторое воздействие на людей впечатлительных. Разум же интеграторов значительно сильнее подвержен внушению, чем человеческий.

— Вы имеете в виду индуцированное безумие? — спросил Крокетт, и Форд утвердительно кивнул.

— Точнее, индуцированную фазу психической болезни. Интеграторы не могут скопировать схему болезни, на это они не способны. Если взять чистый фонодиск и сыграть какую-нибудь мелодию, она запишется на воске, и получится пластинка, много раз повторяющая произведение. То же самое — интеграторы представляли собой как бы незаписанные пластинки. Воля машин тут не играет никакой роли. Сверхестественно чувствительные, они записали психическую модель какого-то мозга и теперь воспроизводят ее. Модель психики Бронсона.

— То есть, — вставил Крокетт, — машины рехнулись.
 — Нет. Безумие связано с сознанием личности, а интеграторы лишь записывают и воспроизводят. Именно потому шестеро операторов покинули станцию.

— Хорошо, — сказал Крокетт. — Я последую их примеру, прежде чем свихнусь. Это довольно... мерзко.

— Что вы ощущаете?
 — Я бы покончил с собой, не требую это таких усилий, — коротко ответил ирландец.

Форд вынул блокнот для шифрованных записей.
 — У меня здесь история болезни Бронсона. Вы когда-нибудь слышали о типах психических болезней?

— Очень мало. В свое время я знал Бронсона. Порой он бывал исключительно угрюм, но потом вновь становился душой общества.

— Он говорил о самоубийстве?
 — При мне — никогда.

Форд кивнул.
 — Если бы говорил, никогда бы его не совершил. Его случай — это маниакальная депрессия: глубокая подавленность после периодов оживления. Мы выделяем маниакальную депрессию и шизофрению. Шизофрению вылечить невозможно, остальные психозы — можно. Вы, мистер Крокетт, маниакально-депрессивный тип, которым легко управлять.

— Да? Но это не значит, что я сумасшедший?
 Форд широко улыбнулся.

— Скажете тоже! Как и все мы, вы имеете некоторые определенные склонности и, если бы когда-нибудь сошли с ума, это была бы маниакальная депрессия. Я, например, стал бы шизофреником, поскольку представляю шизоидный тип. Этот тип часто встречается среди психологов и объясняется комплексом компенсационной общественной ориентации.

— Вы хотите сказать...
 Доктор продолжал; в его объяснениях Крокетту явно была какая-то цель. Полное понимание — часть лечения.

— Представим это таким образом. Депрессивные маньяки — случаи довольно простые и колеблются между состояниями оживления и

депрессии. Амплитуда колебаний велика по сравнению с ровными, быстрыми рывками шизоидного типа. Периоды растягиваются на дни, недели, даже месяцы. Когда у маниакально-депрессивного типа наступает ухудшение, график его плохой фазы имеет вид кривой, идущей вниз. Это дно. Он сидит и не делает ничего, чувствуя себя несчастнейшим человеком в мире, порой до того несчастным, что это начинает ему нравиться. И только когда кривая начинает ползти вверх, его состояние меняется с пассивного на активное. Вот тут он начинает ломать стулья, и требуется смирительная рубашка.

Крокетт начал проявлять интерес.
 — Иначе обстоит дело с шизоидным типом, — продолжал Форд, — тут ничего предсказать нельзя. Может произойти все. Это может быть раздвоение личности, навязчивая идея материнства или различные комплексы: Эдипа, возврат в детство, мания преследования, комплекс величия — варианты неограниченны. Шизоидный тип неизлечим, но для депрессивного маньяка спасение, к счастью, возможно. Наш здешний призрак — именно депрессивный маньяк.

Румяные щеки ирландца утратили цвет.
 — Начинаю понимать.

Форд кивнул.
 — Бронсон сошел с ума здесь. Он покончил с собой, когда его депрессия оказалась в нижней точке кривой, став невыносимой, и все это оставило свой след на радиоатомных мозгах интеграторов. Помните фонодиск? Электрические импульсы их мозгов непрерывно излучают эту запись — состояние глубочайшей депрессии, а интеграторы настолько мощны, что каждый, находящийся на станции, принимает излучение.

Крокетт сглотнул и допил остывший кофе.
 — Боже мой! Это просто... кошмар!
 — Это призрак, — сказал Форд. — Идеально логичный призрак, неизбежный результат действия сверхчувствительной мыслящей машины. А интеграторы невозможно лечить от профессиональной болезни.

— Сигарету? — Помрачневший Крокетт затаился. — Вы убедили меня в одном, доктор. Я отсюда уеду.

Форд помахал рукой.

— Если моя теория верна, лекарство есть. Индукция.
 — Что?

— Бронсон мог выздороветь, если бы вовремя начали лечение. Есть терапевтические средства. Здесь, — Форд положил руку на блокнот, — записан полный образ психики Бронсона. Я нашел больного, тоже страдающего от маниакально-депрессивного психоза и являющегося почти копией Бронсона — весьма похожая история болезни, характер. Неисправный магнит можно вылечить размагничиванием.

— А пока, — буркнул Крокетт, снова впадая в подавленное состояние, — нам придется иметь дело с призраком.

КАК бы то ни было, Форд заинтересовал его своими странными теориями лечения. Смелое принятие фантастической версии — ее доказательство! — влекло к себе грузного ирландца. В жилах Крокетта текла кровь с наследием его кельтских предков — мистицизм, удерживаемый в повиновении непреклонной выдержкой. В последнее время атмосфера станции была для него невыносимой, теперь же...

Станция была полностью автоматизирована, и для работы в ней хватало одного оператора. Интеграторы же действовали как смазанные петли и после монтажа являли собой своего рода совершенство, не требуя никакой консервации. Они просто не могли испортиться, конечно, если не считать индуцированной психической болезни. Но даже она не влияла на качество их работы. Интеграторы по-прежнему решали сложные проблемы, давая верные ответы. Человеческий разум давно бы уже распался, тогда как радиоактивные мозги просто записали схему маниакально-депрессивного психоза и непрерывно излучали ее.

По станции кружили призраки. Несколько дней спустя доктор Форд заметил неуловимые блуждающие тени, которые, словно вампиры, высасывали отовсюду жизнь и энергию. Сфера их влияния распространялась и за пределы станции. Время от времени Крокетт выходил на поверхность и, закутавшись в обогревательный комбине-

зон, долго гулял. При этом он доводил себя до полного изнеможения, словно надеясь победить депрессию, царящую подо льдом.

Однако тени незаметно сгущались. Серое, свинцовое небо Антарктиды никогда прежде не угнетало Крокетта, а далекие горы никогда прежде не казались ему живыми существами, только сейчас. Стоило затрещать леднику, и тяжелый, гнетущий, изнуряющий приступ депрессии накатывал на Крокетта.

Он пытался бороться, но тайный враг приходил скрытно, и никакие стены не могли его остановить.

Крокетт представил себе Бронсона — сжавшегося и молча вглядывающегося в пустоту черной бездны, навсегда поглотившей его — и содрогнулся. В последние дни он слишком часто возвращался мысленно к абсурдным произведениям, которыми когда-то зачитывался. В этих рассказах кишели иррациональные видения, созданные М.Р.Джеймсом и его предшественниками: Генри Джеймсом, Бирсом, Мэем Синклером и другими авторами. В свое время Крокетт наслаждался этими историями, поглощавшими все его существо и позволявшими бояться понарошку. Могло ли существовать нечто подобное? Да, отвечал он себе тогда, но не верил в это. Теперь призрак завладел станцией, и логические выводы Форда оказались бессильны против древнего инстинкта — суеверия.

Ирландец не был трусом. Когда приехал Форд, он решил остаться, по крайней мере, пока выяснится, удалось эксперимент психолога или нет. Несмотря на это, его не очень-то обрадовало появление гостя Форда, депрессивного маньяка, о котором психолог упоминал.

Внешне Уильям Квейл ничуть не походил на Бронсона, но чем дольше находился на станции, тем более напоминал его Крокетту.

Квейл был мужчиной около тридцати, худощавым, темноволосым, с живыми глазами. Если что-то ему не нравилось, он впадал в дикую ярость, и цикл его болезни укладывался в рамки примерно недели. Он переходил от состояния чернейшего отчаяния к безумному возбуждению, и этот ритм никогда не менялся. Присутствие призрака, казалось, не имеет значения. Форд считал, что сила линии, идущей на подъем, была так велика, что нивелировала эффект излучаемой интеграторами падающей линии.

— У меня его история болезни, — сказал Форд. — Его можно было без труда вылечить в санатории, но, к счастью, удалось привезти его сюда. Вы заметили, как он заинтересовался лепкой?

Они находились в Черепе, где Крокетт безо всякого энтузиазма проводил ежедневный осмотр интеграторов.

— Он занимался ею прежде, доктор? — спросил ирландец. Ему хотелось выговориться: тишина нагнетала напряжение.

— Нет, но у него изрядные способности. Это дело занимает голову и руки одновременно. Прошли три недели, верно? И Квейл уже на пути к выздоровлению...

— Но это ничего не дало... им... — Крокетт кивнул в сторону белых колонн.

— Знаю. Пока ничего. Но подождите немного. Думаю, что когда Квейл полностью излечится, интеграторы это запишут. Радиоотомный мозг поддается лечению только индукцией. Очень неудачно получилось, что Бронсон находился здесь все время один. Его можно было вылечить, если бы...

Но Крокетт не желал слышать об этом.

— А как там сны Квейла?

Форд тихо засмеялся.

— В данном случае метод себя оправдал. Мне очень помогают тесты на словесные ассоциации. Причина болезни Квейла заключается в его слишком раннем общении с людьми. Вместе с тем он ненавидел и боялся своего отца-тирана. В детстве ему привили убежденность, что он ни с кем не сможет состязаться и всегда будет проигрывать. Во всех своих несчастьях он обвиняет отца.

Крокетт кивнул, рассеянно разглядывая аппаратуру.

— Если я правильно понял, вы хотите уничтожить его чувства к отцу, верно?

— Скорее, уничтожить уверенность, что отец властвует над ним. Он должен поверить в свои силы и одновременно понять, что и отец может ошибаться. К тому же, с этим связана и религиозная мания.

— Призраки! — сказал вдруг Крокетт, вглядываясь в ближайший интегратор.

— Знаю, — сказал Форд. — И пусть вам не кажется, что на меня это не действует. Но я борюсь с этим, мистер Крокетт, и в этом вся разница. Если бы я сидел в углу и предавался отчаянию, обязательно пропал бы. Но я стараюсь действовать, относясь к депрессии, как к живому противнику. — Черты его сурового, напряженного лица, казалось, заострились. — Это лучший способ.

— А сколько еще...

— Мы приближаемся к концу. Когда Квейл излечится, все станет ясно.

Да, думал Крокетт, призраки существуют. Сегодня, в двадцать первом веке, может, прямо сейчас. Когда-то это были просто суеверия, но здесь, в этом подледном зале, тени сгущались там, где не было теней. Разум Крокетта и во сне, и наяву непрерывно атаковали фантастические видения. Его сны заполняла бесформенная, невообразимо пустая темнота, которая неумолимо надвигалась, когда он пытался бежать на подгибающихся ногах.

Однако Квейл чувствовал себя все лучше.

ТРИ недели, четыре, пять, наконец, кончилась шестая. Крокетт устал, и его не покидало чувство, что он останется в этой тюрьме до самой смерти, что никогда не выберется отсюда. Но он спокойно переносил все. Форд вел себя ровно, только стал собраннее, суше. Ни словом, ни жестом он не давал понять, с какой силой атакуют его психику.

Интеграторы в глазах Крокетта обрели индивидуальность. Теперь они были для него демоническими, угрюмыми джиннами, за-

таившимися в Черепе, совершенно равнодушными к судьбам обслуживающих людей.

Снежная буря лишила Крокетта возможности выходить на поверхность, и он все больше погружался в уныние.

Если бы что-то изменилось, возникло хотя бы малейшее отклонение от смертоносной монотонности депрессии, появилась бы надежда. Однако запись навсегда остановилась на одной фазе. Ощущение безнадежности и поражения было так сильно, что Крокетт не смог бы даже покончить с собой. И все же он продолжал судорожно держаться остатков здравого смысла, зацепившись за одну мысль — быстрое излечение Квейла одновременно уничтожит призрак.

Медленно, почти незаметно, терапия начала действовать. Доктор Форд, не щадя себя, окружал Квейла заботой и вел к здоровью, выполняя роль подпорки, на которую мог опереться больной человек. Квейл оперился тяжело, но результат был удовлетворительный.

Интеграторы по-прежнему излучали депрессию, но уже как-то иначе.

Крокетт заметил это первым. Пригласив Форда и Квейла, он спросил доктора о его ощущениях.

— Вы думаете, что...

— Сосредоточьтесь, — сказал Крокетт, блестя глазами. — Чувствуете разницу?

— Да, — сказал, наконец Форд. — Но уверенности пока нет.

— Есть, если мы оба чувствуем одно и то же.

— Вы правы. Есть некоторое смягчение. Гмм. Что вы сегодня делали, мистер Крокетт?

— Я? Как обычно... А, я снова взялся за книгу Хаксли.

— В которую не заглядывали много недель? Это хороший признак.

Сила депрессии слабеет. Разумеется, она не пойдет на подъем, а просто угаснет. Терапия через индукцию: вылечив Квейла, я автоматически вылечил интеграторы. — Форд вздохнул, словно лишившись последних сил.

— Доктор, вам это удалось, — сказал Крокетт, с обожанием глядя на него.

Но Форд не слышал.

— Я устал, — буркнул он. — Боже, как я устал. Напряжение было ужасно. Борьба с этим проклятым призраком и ни секунды отдыха... Я брлся даже принимать успокаивающее... Ничего; теперь отдохну.

— Может, чего-нибудь выпьем? Нужно это отметить. Если, конечно, — Крокетт недоверчиво взглянул на ближайший интегратор, — если вы уверены.

— Сомнений нет. Но мне нужен сон и ничего больше.

Он вошел в лифт и исчез. Крокетт, предоставленный самому себе, криво усмехнулся. В глубине Черепе еще таились видения, но изрядно поблекшие. Он выругал интеграторы непечатным словом — они приняли это невозмутимо.

— Конечно, — сказал Крокетт, — вы же только машины. Слишком, черт побери, чуткие. Призраки! Ну, ничего, теперь я здесь хозяин. Приглашу друзей и устрою пьянку от рассвета до заката. А на этой широте солнце заходит долго!

С такими планами он и отправился следом за Фордом. Психолог уже спал, тяжело дыша. Черты его утомленного лица слегка расслабились. Постарел, — подумал Крокетт. Да и кто не постареет в таких условиях?

Импульсы гасли, волна депрессии исчезла. Он почти физически чувствовал ее откат.

— Приготовлю коктейль, — решил Крокетт, — как научил меня тот парень из Эль Пасо, и запью шотландским виски. Даже если придется праздновать одному, все равно устрою оргию. — Он нерешительно подумал о Квейле и взглянул к нему. Тот читал книгу и только небрежно кивнул своему гостю.

— Привет, Крокетт! Какие-то новости?

— Нет, просто хорошее настроение.

— У меня тоже. Форд говорит, что я вылечился. Мировой мужик.

— Точно, — горячо согласился Крокетт. — Тебе что-нибудь надо?

— Спасибо, у меня все есть. — Квейл кивнул в сторону автоматов.

— Через пару дней меня отсюда заберут. Вы относились ко мне по-христиански, но пора и домой. Меня ждет работа.

— Неплохо. Хотел бы я с тобой поехать! Но мой контракт кончится только через два года. Пришлось бы либо разорвать его, либо оформить перевод.

— У тебя здесь все удобства.

— Да уж! — ответил Крокетт и слегка вздрогнул. Потом вышел, чтобы подкрепиться глотком разбавленного виски. Не рано ли он обрадовался? Может, кошмар еще не побежден? А если депрессия вернется с прежней силой?

Крокетт выпил — помогло. Во время депрессии он не отваживался пить алкоголь, но теперь чувствовал себя хорошо. Разумеется, не было способа проверить психическую эманацию интеграторов каким-нибудь прибором, однако исчезновение прежней убийственной атмосферы не оставляло места для ошибки.

ПРОЦЕСС, начатый мыслительным извержением Бронсона, наконец исчерпал себя и закончился — с помощью индукции. Спустя три дня самолет забрал Квейла и улетел на север в направлении Южной Америки. Форд остался на месте, чтобы суммировать результаты исследований.

Атмосфера на станции совершенно изменилась. Теперь здесь было уютно, ясно, спокойно. Интеграторы уже не казались дьяволами, а были просто приятными для глаза стройными, белыми колоннами, в которых размещались радиоатомные мозги, послушно отвечающие на вопросы Крокетта. Станция работала без помех. А на поверхности ветер подметал полярные просторы очищающей метелью.

Крокетт готовился к зиме. У него имелись книги, кроме того, он нашел старый этюдник, просмотрел акварели и пришел к выводу, что проживет до весны без проблем. На станции не осталось ничего угнетающего. Опрокинув стаканчик, он отправился в инспекционный обход.

Форд стоял перед интеграторами, задумчиво глядя на них. Он отказался от предложения выпить.

— Нет, спасибо. Кажется, все в порядке, депрессия кончилась.

— Вам нужно чего-нибудь выпить, — сказал Крокетт. — Мы многое пережили вместе, и один глоток пойдет вам на пользу. Смягчит переход.

— Нет. Я должен обработать отчет. Интеграторы настолько логичные устройства, что будет жаль, если они начнут испытывать психические расстройства.

Крокетт извительно посмотрел на интеграторы.

— Взгляните, это же просто воплощение невинности.

— Гмм... Когда кончится эта метель? Я должен заказать самолет.

— Трудно сказать. Последняя продолжалась непрерывно целую неделю. А эта... — Крокетт пожал плечами. — Я попробую узнать, и ничего не обещаю.

— Мне нужно срочно возвращаться.

— Понимаю, — сказал Крокетт. Он поднялся на лифте в свой кабинет и просмотрел поступающие запросы, выбирая, что ввести в интеграторы. Один был важным — какая-то геологическая задача контрольной сейсмической станции из Калифорнии. Впрочем, можно подождать, пока придут остальные.

Пить он больше не стал. Так уж сложилось, что план напиться реализовать не удалось. Облегчение само по себе оказалось сильным средством. Теперь, тихо посвистывая, он собрал бумаги и вновь отправился в Череп. Станция выглядела прекрасно. Впрочем, может, это вызывалось сознанием отмены смертного приговора. Тем более, что проклятая депрессия была хуже верной смерти.

Он вошел в лифт — старомодный, на рельсах, действующий на принципе противовеса. Рядом с интеграторами нельзя было устанавливать магнитного лифта. Нажав на кнопку и глядя вниз, он увидел под собой Череп и белые колонны, уменьшенные перспективой.

Послышались шаги, Крокетт повернулся и увидел бегущего к нему Форда. Лифт уже начал двигаться, поэтому ирландец потянулся к кнопке "стоп".

Впрочем он тут же передумал, потому что Форд поднял руку и направил на него пистолет. Пуля попала Крокетту в бедро, он покачнулся, а Форд одним прыжком оказался в кабине. Лицо его утратило холодное бесстрастное выражение, глаза горели безумием.

Крикнув что-то непонятное, он вновь нажал курок. Крокетт отчаянно метнулся вперед. Пуля прошла мимо, а он со всего маху налетел на Форда. Психолог потерял равновесие и повалился на рельс. В третий раз выстрелить он не успел: Крокетт, едва держась на ногах, ударил его в челюсть.

Точность и сила удара оказались фатальными. Форд рухнул в шахту, и через некоторое время снизу донесся глухой удар.

Лифт мягко двинулся. Постанывая от боли, Крокетт разорвал рубашку и перевязал обильно кровоточащую рану.

Холодный свет флуоресцентных ламп осветил колонны интеграторов, вершины которых сначала поравнялись с Крокеттом, а потом уходили все выше и выше по мере того, как он спускался. Выглянув на край платформы, он мог бы увидеть тело Форда, но зрелища этого и так было не избежать.

Вокруг стояла полная тишина.

Все дело было в напряжении и запоздалой реакции. Форду нужно было выпить. Алкоголь ослабил бы резкость реакции после долгих месяцев ада. Недели борьбы с депрессией, месяцы постоянной готовности к опасности, которой он придавал черты материального противника, жизнь с неестественной интенсивностью. Потом этот успех и угасание депрессии. И тишина — смертельная, ужасная, и время, чтобы расслабиться и подумать.

Вот Форд и спятил.

Крокетт вспомнил, что он говорил об этом несколько недель назад. У психологов порой проявляется склонность к душевным болезням, именно потому их привлекает эта область знаний, потому они ее так хорошо понимают.

Лифт остановился. Неподвижное тело Форда лежало на расстоянии не больше ярда. Крокетт не видел его лица.

Психические болезни типа маниакально-депрессивного психоза — случаи довольно простые. Шизофрения более сложна. И неизлечима. Неизлечима.

Доктор Форд был шизоидным типом, он сам сказал это несколько месяцев назад.

И вот теперь он, жертва шизофренического безумия, умер насильственной смертью, как и Бронсон. Тридцать белых столбов стояли в Череле, и Крокетт, глядя на них, испытал приступ парализующего, тупого ужаса.

Тридцать радиоатомных мозгов, сверхчувствительных, готовых написать любой новый ритм на чистых восковых дисках. На этот раз не маниакально-депрессивный.

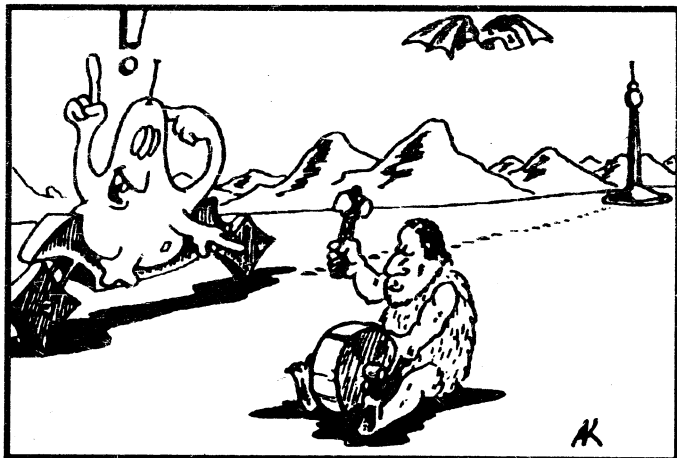
Напротив, теперь это будет не укладывающееся ни в какие рамки неизлечимое безумие шизофрении.

Извержение мысли — о, да! Вот он, доктор Форд, лежит мертвый с безумием, закодированным в его мозгу в момент смерти. Безумием, которое могло иметь любую форму.

Крокетт смотрел на тридцать интеграторов, прикидывая, что могло твориться внутри этих белых сверкающих оболочек. Прежде чем кончится метель, ему предстоит это узнать.

Потому что станцией вновь овладел призрак.

Пер. И.Невструева

СОДЕРЖАНИЕ

Изменение в Программе Роберт Туи	2
Уроды Андрей Бельтюков	7
Поединок (комикс) Художник Игорь Кожевников	13
Чудовище на пороге дома Говард Филипп Лавкрафт	21
Символическая логика убийства Джон Генри Риз	24
Призрак Генри Каттнер	28

Издание подготовлено кооперативом "Свиток"

"ПиФ". Выпуск двадцать четвертый

Директор О.Аржанников
Гл. редактор М.Пудовкин
Редактор Н.Мухин
Технический редактор Л.Йокитулупно
Консультант И.Халымбаджа
Административная группа:
А.Звягин, Е.Соловьев, Л.Злобина
Обложка художника И.Кожевникова

ПиФ. Приключения и Фантастика: Сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические и детективные произведения отечественных и зарубежных авторов.

© Кооператив «Свиток»

Сдано в набор 16.03.92. Подписано к печати 23.07.92. Формат 60x84/8. Бумага газетная. Гарнитура Dutch. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 4,42. Тираж 35000 экз. Заказ № 1139. Цена договорная.

Наш адрес: 620072, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ул. Новгородцевой, 11, к. 403.
Телефон 47-08-10.
Шумихинская МРТ упринформпечати Курганского облисполкома.
641100, г. Шумиха, ул. Гагарина, 52.